

Автор-составитель: **Лиза Вишниецкая**

ГЕТТО

В

ЧЕЧЕЛЬНИКЕ

(Винницкая область, Украина):

страдания, мужество и сопротивление

Нацрат Илит – 2015

הספר ראה אור בסיוע:

יד ושם
רשות הזיכרון לשואה ולגבורה
הקרן לתמיכה בספרי זיכרונות של ניצולי שואה

קבוצת עזריאלי

The Azrieli Foundation

ועידת התביעות
Claims Conference
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

התכנים, הנתונים והעריכה הם על אחריות המחבר/ת

УДК 930.85 (Чечельник)

Автор-составитель: Лиза Вишнивецкая

Автор выражает благодарность за помощь в написании книги Яну, Марку Вишнивецким и Доре Верх.

Использованы воспоминания из книги «Помни. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей» (Реховот: 2013), опубликованные в периодической печати. Некоторые воспоминания написаны специально для этой книги.

На первой странице: стелла в Долине уничтоженных еврейских общин в музее Яд Вашем в Иерусалиме.

Гетто в Чечельнике (Виннинская область, Украина): страдания, мужество и сопротивление. Авт.- сост. Л. Вишнивецкая. Под редакцией В.Лившица, доктора философии, члена Международного Союза писателей «Новый современник», Нацрат Илит: 2015. 102 с., ил.

В книге помещён краткий очерк истории Чечельника и его еврейской общины, воспоминания узников Чечельницкого гетто и участников сопротивления.

Для широкого круга читателей.

© авт. -сост. Лиза Вишнивецкая

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из истории еврейской общины в Чечельниках	4
Создание гетто в Чечельниках	14
Условия в гетто	16
Сопrotивление	18
Увековечивание памяти	19

Воспоминания узников гетто

Вишневецкий Александр. Были ли евреи в Чечельнике?	21
Вишневская Лиза (Фишер). Мне было всего семь лет	29
Вишневский Роман (Рувен). Я был смелым мальчуганом	49
Геллер Аркадий. «...Чтобы не умереть с голоду приходилось рисковать жизнью»	52
Каменецкая Сима. Наши страдания в период Холокоста трудно передать словами	57
Лейбман Аня. «...Даже в таких нечеловеческих условиях, евреи, оставались ЕВРЕЯМИ.....	60
Лейбман Яков. Медицинские опыты отняли у меня здоровье	62
Майданик Дина, Фельдман Хана. О трёх девочках, выживших в ШОА	64
Найштут Серафима (Ангерт Сарра). «В гетто фашисты издевались над евреями и тем самым развлекались»	79
Пекер Доя. Над нами ставили «медицинские опыты»	82
Пекер Наум. Оккупанты и полицаи постоянно грабили нас	87
Подольва Александр. «...В памяти живы очень многие страшные воспоминания тех лет».....	92
Подольва Семён. «Вспоминать о гетто очень трудно»	93
Литература и источники	95
Приложение. Список похороненных на еврейском кладбище п.г.т. Чечельник	96

Из истории еврейской общины в Чечельниках

Чечельник (в 1795 - 1812 гг. назывался Ольгополь). В настоящее время посёлок городского типа, районный центр Винницкой области. До 1923 г. - местечко Ольгопольского уезда Подольской губернии.

Он расположен на левом берегу р. Савранки, притока р. Южного Буга. Железнодорожная ветка связывает Чечельник с магистралью Одесса - Киев.

В 1978 году археологами на территории поселка было открыто поселение времен Трипольской культуры конца 4 - начала 3 тысячелетия до н.э., а также Черняховской культуры 2-5 века н.э.

Первое упоминание об этом поселении на месте нынешнего Чечельника на краю Буджакской степи датируется 1529 годом. В документах говорится о том, что это было сторожевое поселение. Его стражи должны были следить за движением татар. В случае необходимости они прятались в подземных ходах, которые и до сих пор сохранились на территории поселка.

Есть версия, что название «Чечельник», населённый пункт получил, в связи с тем, что владельцем этих земель был Грицько Чечель, который называл себя «...боярином-шляхтой, не будучи боярином-шляхтой, и неизвестно откуда пришли».

Уже в начале XVII в. семейство Чечелей имело все права польских шляхтичей. По-видимому, тогда же им было основано поселение Чечельник на реке Савранке. В настоящее время Чечельнику в посёлке, как основателю населенного пункта, установлен памятник.

На карте Украины 1648 года Чечельник уже обозначен как укреплённый город, правда, под названием Чачаник.

В 1635 году это поселение получило городские права. В этот период здесь уже существовала еврейская община. В хронике хмельнитчины «Тит Гаявен» («Непролазная грязь») её автор р. Шмуель-Файвиш сын р. Натана Файтеля из Вены

в перечне уничтоженных еврейских общин под именем Чельник упоминает, по-видимому, Чечельник.

Эпидемия чумы, прокатившаяся по Подолии, военные действия, разбой гайдамаков в конце 1760-х гг., отразились на количестве евреев в Чечельнике. Так, по переписи 1765 г. в Чечельнике жило 545 евреев: 485 из них проживало в 96 домах самого Чечельника и ещё 60 - в 11 домах Нового города - предместья. Перепись 1776 года насчитала всего лишь 183 еврея в 53 домах и «халупах» (хижина, избенка, избушка, хатка).

Однако известно, что к началу 1780-х гг. численность еврейского населения Чечельника восстановилась.

В 1793 году в жизни Чечельника и его еврейской общины произошли важные события. Эта территория была присоединена к Российской империи. Чечельник, как частновладельческое имение было выкуплено царским правительством у князей Любомирских и его пожаловали в 1795 году (по другим данным в 1796 г.) в собственность русскому полководцу, генерал-фельдмаршалу, графу Ивану Васильевичу Гудовичу. Его имя в настоящее время носят улицы в Одессе и Анапе. В последнем городе ему установлен памятник.

Здание синагоги. Современный вид.

Екатерина II, проезжая по вновь приобретённому краю, пожелала назвать какой-нибудь из городов в честь своей внучки Ольги Павловны. Тогда и решили переименовать Чечельник в Ольгополь, который стал центром уезда.

В 1812 году Чечельнику было возвращено его историческое название и прежний статус частновладельческого местечка.

В этом же году уездный центр был перенесен в местечко Рогузко-Чечельницко, которое было переименовано в Ольгополь (в настоящее время это село в Чечельницком районе), а Чечельнику возвращено прежнее название. В народе Ольгополь иронически называли Голополь или Голополье из-за ужасающей бедности этого города.

Одним из первых промышленных предприятий в Чечельнике был кирпичный завод, открытый И.В.Гудовичем. В 1860 года начал работать спиртовой завод, а в 1875 году - основан сахарный. Кроме того в городе работали свечной и костопальный заводы. Еще до сегодняшнего дня сохранились здания конного завода.

В последующие годы здесь были построены две кожевенные фабрики, спиртовой, кирпичный, сахароваренный, пивоваренный и свечной заводы, действовало несколько более мелких производств и промыслов. Многие из этих предприятий принадлежали евреям.

Развитию промышленности способствовало строительство узкоколейной железнодорожной ветки, которая связала местечко с железной дорогой Гайворон – Винница.

В 1871 г. в Чечельнике было 515 домов, где проживало 6143 жителя. Однако в 1889 г. в самом местечке (без предместий) насчитывалось всего 2400 жителей, из них евреи составляли 93%, всего (вместе с предместьями) - 5526 человек.

По переписи 1897 года количество жителей выросло до 7993 человек (3900 мужского пола и 4093 - женского), из которых 3581 - православной веры, 971 католик и 3388 иудеев .

С возникновением в иудаизме такого течения, как хасидизм, Чечельник в первой половине XIX в. стал значительным хасидским центром. В 1826 году туда переезжает со своим двором рабби Моше Цви из Саврани (ныне райцентр в Одесской области) - один из величайших хасидских лидеров, который был раввином Умани, Кишинева и Бердичева.

Рабби Моше Цви родился примерно в 1760 году. Он считается величайшим учеником и продолжателем Леви Ицхака из Бердичева (после его смерти был раввином в раввинате Бердичева) и рабби Баруха из Меджибожа (внука Баал Шем Това).

Рабби Моше Цви скончался в 1838 и был похоронен на

Оэль над могилами рабби Моше Цви из Саврани, его сына, внука и правнука на еврейском кладбище в Чечельнике.

еврейском кладбище. На его могиле был построен просторный оэль, ставший местом паломничества для тысяч евреев. Потомки рабби Моше Цви продолжали его дело в Чечельнике более ста лет. Они также похоронены в оэле.

Место захоронения праведников было найдено в 1990 году раввином Агером, потомком рабби, при помощи местного жителя Якова Клейнштейна, который помнил еще при жизни рабби Баруха - последнего из чечельницких раввинов, ушедшего из жизни в 1951 году и достоверно указал место могилы праведников.

Оэль был заново построен в 90-х годах, однако со временем это сооружение дало трещины и было отремонтировано в 2008 году.

Раввин Агер свято хранит память о своих предках и изучает все подробности, связанные с династией Савранских цадиков. «Великий город для Вс-вышнего», - так называли Чечельник многие хасидские писатели, - рассказывал Пинхас, помощник раввина Агера. «Чечельник - священный для хасидов город еще со времен Баал Шем Това, так как в нем служил председателем религиозного суда его ученик рабби Давид, а сам основоположник хасидизма однажды гостил в местечке».

По состоянию на 1905 год в Чечельнике находились: православная церковь, римско-католический костел, 6 еврейских молитвенных школ - хедеров, министерское двухклассное училище, сельское училище, еврейское училище, почтово-телеграфное отделение, станова квартира, волостное правление, волостной банк, мещанская управа, урядный пункт, больница, аптека и 2 аптечных склада, акционерное общество, сахарный, винокуренный, пивоваренный, кирпичный заводы, 4 водяных и паровая мельницы, 11 заезжих домов.

Синагоги или молитвенные дома, принадлежавшие различным объединениям, в которые входили наиболее зажиточные жители, и хасиды, приверженные тому или иному ребе, каждое из них имело своё «духовное правление» .

В начале XX века Чечельник, где в 1910 г. числилось более десяти тысяч жителей, был самым крупным местечком Ольгопольского уезда, уступая по численности населения только уездному городу (более 11 тысяч жителей).

Местечко было относительно крупным торговым и ремесленным центром. Здесь жили: евреи-предприниматели и купцы-заготовители зерна, овощей, фруктов, леса и т. п., отправлявшие свой товар по железной дороге в крупные города: Одессу, Херсон, Николаев и Екатеринослав. Они обеспечивали сырьём и сбывали продукцию местных спиртоочистительного, сахароваренного и

машиностроительного заводов. В их собственности находились два маслособойных и пивоваренный заводы, кондитерская фабрика, восемь складов леса, мельницы и около шестидесяти разнообразных магазинов и лавок. Среди евреев были обладатели и свободных профессий: учителя, врачи, дантисты и провизоры.

После октябрьской революции 1917 года, в период гражданской войны местечко занимали поочерёдно польские, австро-немецкие, украинские и красноармейские воинские части. Приход очередной армии, особенно петлюровцев, сопровождался обычно погромами еврейских домов и лавок. Так, раввин, который переиздал книгу Моше Цви "Ликутей Шошаним" приводит факт о том, что в 1918 году чечельницкий православный батюшка по просьбе рабби Шломо (внука Моше Цви) спас почти все еврейское население местечка от петлюровских погромщиков, когда 15 мая 1919 г. в Чечельник вошла одна из банд. Бандиты собрали всех евреев на площади. Кто-то пустил провокационный слух, что якобы в ближайшем местечке Ободовка евреи напали на украинцев, и чтобы этого не произошло в Чечельнике, надо немедленно расправиться с местными евреями. Но среди чечельницких крестьян нашлись разумные люди, поддержавшие предложение их товарища Ивана Сотовского узнать вначале, что же на самом деле произошло в Ободовке. Когда выяснилось, что там в результате погрома было убито несколько сотен евреев, крестьяне решили не проливать кровь в своём местечке.

Советская власть установилась в Чечельнике в июне 1920 г. В марте 1923 г. Чечельник стал районным центром Тульчинского округа и был переведён в категорию сёл.

В годы гражданской войны и в первые годы советской власти заметно усилилась эмиграция евреев в США и Эрец Исраэль. Некоторые из уехавших стали известными на весь мир. Так, в 1922 году вместе с родителями в возрасте двух лет эмигрировала в Бразилию Коарис (Хая Пинхасовна) Лиспектор. В последствии она стала известной писательницей. Мировую известность ей принесли романы «Страсть,

согласно Г.Н.», «Город в осаде» «Час звезды» и многие другие, которые изданы во многих странах мира.

Давид Пинхусович Мильман (1912-1982) родился в местечке Чечельник в семье Пинхуса Мильмана - владельца обувного магазина, и Сары Галант - дочери раввина Чечельника. Начал обучение в хедере, затем учился в украинской начальной школе, с 14 лет - в химической профессиональной школе Чечельника. Давид Мильман - советско-израильский математик, известный работами в области функционального анализа, в частности теории операторов.

Вместе с ним в Чечельнике, в этой профшколе, учился Израиль Моисеевич Гельфанд (1913-2009) - один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования (до 1989 года - в Советском Союзе, после 1989 года - в Соединённых Штатах).

Правда, этих друзей вскоре исключили из профшколы, как детей зажиточных родителей.

Известно, что в 1924 г. в селе работала еврейская школа где учились 108 детей, в основном из бедных семей, дети более состоятельных родителей посещали украинскую школу. Считалось, что так будет легче поступить в техникумы и высшие учебные заведения.

В помещении еврейской школы работал ликбез для взрослых с преподаванием на русском языке.

В середине 1920-х гг. в местечке было около 200 кустарей, примерно половина из них были объединены в ссудно-сберегательное товарищество.

В 20-е годы в СССР начали создаваться национальные Советы. В Чечельнике был создан еврейский поселковый Совет под председательством Якова Шлойна (в период фашистской оккупации он руководил подпольем Бершадского гетто и был расстрелян всего за 5 дней до освобождения в марте 1944 г.).

В период коллективизации в Чечельнике был организован еврейский колхоз. Но, видимо, партийные и

советские органы не сильно доверяли евреям и поэтому председателем колхоза был назначен украинец Пётр Конечный.

В 20-е годы продолжала работать синагога. Большим авторитетом пользовался здесь цаддик р. Барух сын р. Шломо, живший в местечке в 1920-1930-х гг.

В 1939 году в Чечельнике проживало 1327 евреев, что составляло более 60% населения.

С началом Великой Отечественной войны из Чечельника успели эвакуироваться несколько десятков еврейских семей, мужчины призывного возраста были призваны на фронт. Многие из них погибли, например, на мемориале павших в Великой Отечественной войне воинов - чечельничан, больше половины списка составляют еврейские фамилии.

24 июля 1941 года Красная Армия оставила местечко.

Раввин Агер с Моше Рабовером,
одним из последних евреев
Чечельника

С июля 1941 года по март 1944 года в Чечельнике действовало еврейское гетто.

17 марта 1944 года части 2-го Украинского фронта освободили Чечельник.

После войны в Чечельнике проживало более 200 евреев, это те,

кто остался живыми после содержания в гетто, несколько еврейских семей вернулись после эвакуации, а также те воины-евреи, которые остались живыми.

К сожалению еврейская община продолжала сокращаться. Молодёжь уезжала на учёбу в крупные города страны.

Особенно резкое сокращение населения

произошло в 1962 году, когда был ликвидирован Чечельницкий район и Чечельник вошел в состав Бершадского района. Правда, с декабря 1966 года он вновь стал районным центром, посёлком городского типа. Районным центром продолжает быть и в настоящее время.

После войны в общине Чечельника был свой раввин, традиционная общинная жизнь сохранялась в той или иной мере до конца 1970-х гг.

В начале 1990-х гг. в Чечельнике с населением примерно в шесть тысяч человек проживало около семидесяти евреев. К 1998 году оставалось восемь пенсионеров. В настоящее время проживает одна еврейка.

В 2008 году на местном еврейском кладбище был закончен капитальный ремонт молитвенного домика (оэля) над могилами рабби Моше Цви из Саврани, его сына, внука и правнука.

Работы были организованы и профинансированы раввином Ицхаком Меиром Агером - потомком савранских цадиков, служащим религиозным судьей Ашдода, при содействии посланника ХАБАДа в Виннице раввина Шауля Горовица.

В процессе организации работ участвовала Нина Рабовер, дочь одного из последних, оставшихся в Чечельнике евреев.

В наше время, по личной инициативе бывших жителей Чечельника, а именно Гербера Романа, проживающего сейчас в Нью-Йорке, родители которого в тяжёлые годы 1941-1944 гг. были в гетто Чечельника, был создан фонд по уходу за могилами Чечельницкого еврейского кладбища.

На нём, как считают специалисты, сохранилось несколько замечательных в художественном отношении резных каменных стел с символическими изображениями животных.

Фонд финансируют выходцы из Чечельника, живущие и разбросанные по всему миру: в США, Канаде, Израиле, Германии и России.

Благодаря деятельности фонда, все могилы и памятники приведены в порядок, ограды на могилах покрашены. Кладбище огорожено оградой. На воротах нарисована

шестиконечная звезда – МАГЕН ДАВИД. Составлен план могил и список похороненных.

К сожалению, в самом местечке уже мало что напоминает о том, что когда-то тут жили евреи. Почти все уцелевшие в Чечельнике еврейские дома построенные в XIX - начале XX века либо находятся в аварийном состоянии, либо до неузнаваемости перестроены. Здание Большой синагоги находится в аварийном состоянии.

Создание гетто в Чечельниках

В начале августа 1941 года фашисты собрали всё еврейское население на центральной площади местечка.

Бывшая жительница Чечельника Рива Каплан вспоминала: «Русские полицаи растолковали людям, что «паны немцы» собирают евреев. Мама нам сказала: «Пойдёмте и мы. И не бойтесь. Что со всеми будет, то будет и с нами». Так мы оказались на площади в большой толпе, окружённой со всех сторон солдатами-румынами. Из толпы солдаты и полицаи отобрали мужчин и сказали, что они пойдут куда-то работать. Женщины с детьми и старые люди остались стоять на месте и ждали. Приказано было всем лечь. В толпе заплакали, родные стали прощаться друг с другом, кто-то молился... В это время из-за угла выехал немецкий мотоциклист и спросил у наших стражников-палачей, что мол, здесь происходит. Ему ответили, что людей собрали для того, чтобы отправить на работу. Он удивился: «Ещё только шесть утра. Что это за срочная работа у вас нашлась для детей и женщин? Снять караул!» И нас отпустили по домам. Потом все говорили, что тот мотоциклист был переодетым партизаном...»

По мнению многих бывших узников гетто, своё чудесное спасение евреи связывали с личностью действовавшего в этих местах легендарного партизана Калашникова, якобы появившегося вдруг переодетым в немецкую форму. По другой версии, легендарным спасителем евреев был переодетый в форму высокопоставленного немецкого офицера партизан М.Ф. Подгаецкий, по третьей версии, в местечко в это время прибыл кто-то из представителей румынского оккупационного командования и было решено организовать еврейское гетто.

Как известно Румыния, по договору с Германией получила земли между реками Днестр и Буг и румыны назвали эту территорию «Транснистрия» (Заднестровье).

В м.Чечельник румынские оккупационные войска

приказали всем евреям носить на одежде жёлтую шестиконечную звезду и переехать в гетто, которое было организовано на территории современных улиц М. Калинина, Октябрьской и К. Маркса. В нём разместилось около 1000 евреев Чечельника, а также евреи из деревень Чечельницкого района. С 1939 года в местечке находились также 10 еврейских семей бежавших из Польши. Им также приказали переехать в гетто.

Осенью 1941 г. в гетто прибыло более тысячи евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины. Некоторых из них сумели взять с собой драгоценности. Их в виде взятки, давали представителям румынской администрации, и тем самым нередко спасали всех обитателей гетто.

Лизе Вишницецкой (Фишер) в 1941 году было 7 лет, но она хорошо помнит: «...румынские солдаты евреев не убивали, они их просто грабили: забирали драгоценности, ценные вещи, ткани, всё, что имелось в домах. Немецкие части СС появлялись у нас время от времени, совершая налёты на гетто: насиловали девушек и женщин, а затем их расстреливали. Тех, кто не мог работать - старых и больных расстреливали на месте. Очень хорошо помню, как напротив нашего дома в упор расстреляли парализованного старика. Его сын начал плакать, так они и сына расстреляли. Некоторым «утешением» в Чечельнике служило то, что у нас в гетто находились бежавшие от немцев бессарабские евреи, которые могли контактировать с румынскими солдатами, поскольку знали язык. Так, по их совету, в домах, где проживали девушки, написали крупными буквами «тиф», и немцы боялись заходить. Это частично спасало от набегов. Однако нашлись предатели украинцы, которые помогали нацистам уничтожать евреев. Помню, была такая Настя, которая помогала немцам - выдавала многих евреев за коммунистов, и их тут же расстреливали. Для развлечения немцев Настя указывала им дома, где жили девушки...»

В погромах еврейских домов принимали участие и местные жители. Рива Каплан вспоминала: «Из соседних деревень группами приходили местные крестьяне. С ними

шёл немецкий солдат. Они показывали ему на какой-нибудь дом, а он приказывал хозяевам открыть двери. В открытую или взломанную дверь врываются погромщики и хватали всё, что им понравится. Иногда затевали между собой драки: каждый хотел унести, что получше».

Условия в гетто

Гетто в Чечельнике было открытого типа. Но, за выход из гетто грозил расстрел. Его охраняли украинские полицейские. Несмотря на это многие жители гетто тайком пробирались в прилегающие украинские села и у крестьян либо выпрашивали еду, либо пытались её заработать своим трудом.

В гетто по приказу румынских властей был создан юденрат, во главе которого стоял Иосиф Заславский. В него входили также Биленький, Исаак Грановский, Хаим Фишер и другие. В его задачу входила регистрации евреев и распределение их на работу.

По распоряжению румынской жандармерии евреев отправляли на принудительные работы на железнодорожную станцию, на сахарную фабрику, на поля. Часть узников гетто была отправлена в Николаев на строительство мостов.

Внутри гетто в каждый дом были заселены по 4-5 семей, вынужденных жить в чрезвычайно стеснённых условиях без канализации и при полном отсутствии медицинской помощи. В перенаселённом гетто свирепствовали тиф и другие инфекционные заболевания, из-за чего скончалось около половины его обитателей. Правда, в гетто жило несколько местных врачей и пригнанных из Румынии, но не было лекарств и поэтому лечились народными средствами.

Основной едой был картофель, тайком обмененный на вещи и другие ценности у местных крестьян. Иногда, община делила маленькие пайки продуктов, средства, для приобретения которых поступали от евреев, оставшихся ещё в Румынии.

У многих семей были знакомые среди крестьян, которые спасали их от голода. Лиза Вишницецкая (Фишер) вспоминала: «...нам помогали такие добрые люди - семья Багрий: Христя, Ваня и их дети - Саша и Валя. Они часто приносили нам продукты, одежду. Мой брат Борис, которому в войну было 12-13 лет, делал ночные вылазки в огород: руками выковыривал картошку, запихивал под рубашку, и мы были счастливы - варили кожуру с древесными опилками, а очищенную картошку употребляли как деликатес...»

Майданник Дина и Фельдман Хана вспоминали, что «...зима 1941-1942 годов была очень тяжёлая, с большими снегами. Люди в гетто ходили голодные, голые, умирали десятками в день. Мы насчитали что в один из дней вынесли 24 умерших... Живые стягивали с мёртвых тряпки и надевали на себя, чтобы спастись... мои младшие сестрёнки Хана и Дора от недоедания не могли ходить, не стояли на ногах. Папа, опухший от голода лежал на нарах...»

Пеккер Доня и Пеккер Наум вспоминали, что над детьми гетто проводили медицинские опыты: «...детям начали делать уколы, в руку, в ягодицу, под лопатку... Нам говорили, что это нужно для профилактики, чтобы болезни не повторялись... После такой «предохранительной» работы опять начались болезни, повысилась детская смертность».

Несмотря на тяжёлые условия жизни, дети в гетто учились. Лиза Вишницецкая (Фишер) вспоминала: «Вечерами, зажигали керосиновую лампу, ставили её под стол, окна закрывали ставнями и завешивали плотной тёмной тканью, чтобы немцы не видели, есть ли кто-то в доме. Старшие дети учили младших алфавиту, арифметике, разучивали стихи. Помню учительницу - её звали Шура Спектор, которая учила нас языку идиш, за что я ей безмерно благодарна. Благодаря Шуре, в конце войны, меня взяли сразу в третий класс (в марте 44-го), а через полгода - в четвёртый».

Арон Геллер вспоминал: «...в гетто с нами занимался ребе по имени Пиня. Он организовал хедер (еврейскую школу) для 8-10 летних мальчиков... с ребе мы читали,

считали и тем самым пополняли знания».

На территории гетто продолжали исполняться иудейские религиозные обряды. Все годы оккупации в гетто оставался и хасидский цаддик - «чечельнике ребе».

Соппротивление

В гетто была подпольная еврейская группа, которая имела связь с подпольщиками местечка и района, а также с партизанами. Его называли «партизанское еврейское звено».

Александр Вишневецкий вспоминал: «...подпольную группу возглавлял Исаак Грановский, ему помогала Евгения Борода». Известно, что Исаак Грановский по заданию представителя партизанского штаба М. Ф. Подгаецкого объединил разрозненные группы подпольщиков и активизировал их деятельность. В феврале 1943 года он организовал группу сопротивления в Чечельнике, в которую входило 22 человека. Осенью 1943 года, опасаясь ареста И. Грановский ушел в партизанский отряд.

По воспоминаниям Лизы Вишневецкой (Фишер): «...связь с партизанами поддерживал мой дядя Хаим Фишер, которого не взяли в армию из-за плохого зрения. Он входил в состав юденрата и вместе с другими как мог, защищал от нацистов, передавал партизанам информацию об акциях, планировавшихся в комендатуре. Так, немцы отправляли молодёжь (как они говорили) на работу в Германию, и члены юденрата предупреждали о необходимости прятать взрослых детей».

Из гетто, подпольщиками и партизанами стали: Фабрикант Михаил и Ефим, Галантер Фрида, Геренштейн Берта, Кишиневская Мина, Кравец Ефим, Тростянецкая Фира, Шнайдер Борис, Фабрикант Рива, Тительман Яков, Мизюк Фира, Шнайдерман Абрам, Гольдшмит Фира, Кобчик Евсей, Клейштейн Янкель, Файнштейн Рейзля и Борода Евгения. В отчете о деятельности подпольной группы отмечалось, что «члены организации, по национальности евреи, вели борьбу в исключительно трудных условиях

еврейского гетто, выход из которого карался смертью. Оккупанты расстреливали каждого подозреваемого в участии в партизанском движении».

Евгения Борода вспоминает о юном патриоте, узнике Чечельницкого гетто Борисе Цукермане, которому было 15 лет: «Он работал в парикмахерской. Это давало ему прекрасную возможность подслушивать разговоры жандармов и полицаев, передавал подпольщикам очень важные сведения».

Спустя много лет житель Нью-Йорка Борис Цукерман вспоминал: «В нашем районе действовал партизанский отряд, и так случилось, что я стал связным между гетто и народными мстителями. Мой маленький рост и внешний вид способствовали тому, что я мог незаметно уйти из гетто и передать партизанам нужную информацию ... Недалеко от Чечельника в с. Бритавке действовал небольшой партизанский отряд, основным ядром которого были евреи – беглецы из гетто. В самом гетто тоже было организовано сопротивление: по приемнику принимали вести о положении на фронтах, от руки писались листовки, которые передавались по баракам, установили связь с партизанским отрядом. Я был одним из связных между гетто и селом Бритавка. Однажды один из полицаев как бы ненароком, мельком шепнул мне, что через два дня немцы и полицаи поведут наступление на партизан. Я немедленно сообщил эту новость в отряд и оккупанты были встречены пулеметным и автоматным огнем, понеся большие потери в живой силе и технике».

17 марта 1944 г. части Красной Армии освободили Чечельник от оккупантов. К этому времени в гетто осталось менее 500 человек.

Увековечивание памяти

Всего с июля 1941 года по март 1944 года в Чечельницком гетто были замучены и убиты, умерли от голода и болезней по мнению бывших узников гетто, от 1200

до 1500 евреев из местечка, ближайших деревень и пригнанных из Румынии. Хотя по данным Чечельницкого районного Совета (Рады) более 500 человек.

Они похоронены в братской могиле на еврейском кладбище, которое находится в двух километрах от центра Чечельника.

В музее Катастрофы и Героизма еврейского народа Яд Вашем в г. Иерусалим название гетто в Чечельнике выбито в долине погибших общин.

В музее Катастрофы и Героизма еврейского народа города Нацрат Илит (Израиль) собрана и оформлена рукописная книга воспоминаний 14 узников гетто.

В 1985 году 40 бывших узников гетто и жителей Чечельника собрались на встречу в г.Одесса. В 1995 году уже 80 бывших узников гетто и жителей Чечельника собрались на встречу в Нью-Йорке, где были представлены города: Чикаго, Лос-Анжелос, Бостон, Малуоки. Приехали также земляки из Канады.

К сожалению до настоящего времени, в Чечельнике нет памятника погибшим узникам гетто.

Автор-составитель этой книги создаёт инициативную группу, которая будет собирать средства для установления памятника жертвам Холокоста в п.г.т. Чечельник.

Желающие принять участие в этом благородном деле пишите по адресу: liza-1934@mail.ru
звоните по тел.: +972-4-6450976

ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКОВ ГЕТТО

Вишневецкий Александр. *Были ли евреи в Чечельнике?*

Местечко Чечельник, где я родился и вырос, был в течение нескольких столетий местом, где жизнь шла по установленным издревле еврейским традициям.

Основным языком местечка был идиш, на нем говорили все, включая детей.

Среди местного украинского населения находились люди, которые также понимали и даже говорили на идиш. Еврейские ремесленники местечка производили все, в чем нуждались крестьяне окружающих сел, и на заработанные средства жили.

Словом, в Чечельнике, как и во многих местах Украины, евреи вполне вписывались в этнографическую и экономическую реальность. Но, если кто-нибудь ныне попытается выяснить, обитали ли когда-нибудь в Чечельнике евреи, то это будет нелегко сделать.

Даже в Краткой еврейской энциклопедии отсутствует отдельная статья о моем родном местечке, а в других справочных изданиях можно обнаружить разве что упоминание о том, что это «поселок городского типа, райцентр в Винницкой области», где имеется железнодорожная станция и сахарный комбинат.

Недавно внимательно просмотрел в Интернете на русском и украинском языке все, что связано с моим родным местечком – Чечельником, где я родился, был в гетто во время войны и затем учился в школе. И здесь не обнаружил подробных упоминаний о еврейской жизни в местечке. Лишь на одном из американских порталов удалось найти фотографию здания нашей синагоги. А один из найденных материалов там меня и удивил, и возмутил. На «Винницком региональном портале» www.portal.vinnitsa.com в краткой

исторической справке по Чечельнику содержится довольно подробная информация о местечке, но нет ни одного слова о евреях, хотя вся документальная почти 500-летняя история местечка связана с евреями. Например, в 1939 году в местечке проживало 1327 евреев, что составляло 66% от общей численности населения местечка. И если сейчас евреев там не осталось, то значит ли это что эту тему надо игнорировать вообще? Вероятно, кое-кому хочется замалчивать нашу еврейскую трагическую судьбу в диаспоре, особенно в свете Катастрофы; нашу, например, связь с Украиной, ее народом, ее историей? Впрочем, эта тенденция имеет место в различных странах и тесно связана с растущим антисемитизмом и ненавистью к евреям и, в первую очередь, с попытками замалчивания Катастрофы, в которой немалая доля вины лежит на странах и народах, где жили евреи.

...По существовавшей неписанной традиции жители каждого местечка имели свое прозвище. Обитателей Чечельника обзывали «мешугим» (дураки), хотя единственный действительно умалишенный местечка был застрелен немцами в первые же дни фашистской оккупации, когда он бегал по местечку и выкрикивал на идиш « Мама, мама - немцы порядочные люди!» На всю мою оставшуюся жизнь мне запомнятся люди местечка не только своим умом и юмором, но и трудолюбием, готовностью прийти друг другу на помощь. Может, поэтому после столь страшных испытаний войны они обошлись без психологической и медицинской реабилитации и сумели остаться полноценными людьми вопреки всему тому, что выпало на их долю. Даже сейчас, встречаясь со своими земляками через много лет, чувствуешь их теплоту, близость и родство. В местечке провели свою жизнь многие поколения по линии отца. Когда началась война и стало известно, что немцы подходят к местечку, отцу дали в колхозе лошадь и повозку, и семья в спешном порядке эвакуировалась. Но добрались мы только до Днепра, и к этому времени за Днестром уже находились немецкие десантники, отрезавшие нам дальнейшую дорогу.

Пришлось возвращаться назад. Возвращаясь домой, побывали по пути в селе Покотилово Кировоградской области, где жил отец моей мамы и две ее сестры с семьями. Они предлагали моему отцу остаться с ними в Покотилово. Но отец отказался, и это спасло нас.

Уже после освобождения мы узнали, что все евреи в Покотилово были истреблены поголовно и что над отцом матери фашисты особо издевались перед смертью. Через месяц после начала войны местечко Чечельник было захвачено оккупантами и уже на второй день они, подняв стрельбу, выгнали жителей из домов с целью их расстрела. Люди были согнаны на площадь, и только вмешательство высокого немецкого военного чина, прибывшего к этому моменту в местечко, спасло людей от гибели.

С того времени существует легенда, что этим военным был переодетый партизан. Немецкие и румынские военные с помощью украинских полицаев из местного населения и нескольких еврейских предателей начали грабить, убивать евреев, выгонять людей из их домов. Часто к этим акциям привлекались украинские крестьяне из близлежащих сел.

К концу августа 1941 года немцы передали контроль над территорией между реками Буг и Днестр и от Могилев-Подольска до Черного моря румынам, и эта территория получила название Транснистрия. На этой территории до войны проживало 300 тысяч евреев, 185 тысяч из них были затем уничтожены немцами и румынами. Румыны депортировали в Транснистрию десятки тысяч евреев из Румынии и Молдавии. Местечки, попавшие в румынскую зону оккупации, были переполнены беженцами. Страшно холодная зима 1941-1942 года, голод, большая скученность людей в домах привели к массовым эпидемиям, в первую очередь тифа и дизентерии. Моя мама мне рассказывала, что смертность среди евреев, особенно беженцев, имела здесь в ту зиму массовый характер. Мама в 1933 году окончила медицинский техникум в Гайсине (где все обучение велось на языке идиш) и даже, находясь в гетто, она работала в местной больнице.

Вот отрывок из свидетельства одного из депортированных евреев из Черновицкой области в Чечельник. Фамилия его - Израиль Тайглер, он 1918 года рождения, его архивное дело в Яд Вашем под номером 03.246 (перевод с немецкого, на котором он дал показания и изложение этого материала - мой).

Он из села Кадобешти, где к началу войны проживало 20 еврейских семей, все были депортированы. В живых к моменту освобождения остались только представители 5 семей. В ноябре 1941 года их пешком гнали много дней и пригнали в Чечельник. По дороге от голода и холода погибла его мать, ее пристрелили, т.к. она не могла уже идти. В Чечельник он попал с первой группой депортированных, потом пригнали еще группы из Боковины и Бесарабии. С 1939 года здесь уже находились 10 семей бежавших с Польши. Пустующие раньше дома были переполнены депортированными беженцами. Сразу же среди них возникла эпидемия тифа и как минимум половина из этих людей пала жертвой этой эпидемии. Его отец умер от тифа в один из дней после прибытия. Труп отца находился 8 дней в той же комнате, где и Израиль Тайглер, который лежал рядом в тифозном бреду. Когда к нему вернулось сознание, и он смог подняться, он пошел в местную общину и попросил помощи похоронить отца. Но это удалось сделать только через несколько дней, т. к. число мертвых было очень большим и не хватало людей для копания могил, не было и никаких транспортных средств для доставки трупов на кладбище. В местечке был общинный комитет, возглавляемый Иосифом Заславским, Биленьким и Грановским и еврейская полиция под руководством некого Волоха.

Еврейским руководством управляли лица из румынской жандармерии. По распоряжению жандармерии евреев отправляли на принудительные работы на железнодорожную станцию, на сахарную фабрику, на поля. Часть депортированных была отправлена в Николаев на строительство мостов. За выход за пределы гетто грозил расстрел. Несмотря на это многие шли в прилегающие

украинские села и у крестьян либо выпрашивали еду, либо пытались ее заработать своим трудом. Иногда, община делила маленькие пайки продуктов, средства, для приобретения которых поступали от евреев, оставшихся еще в Румынии. Среди депортированных были свои медики, готовые бесплатно оказать помощь, но у них не было лекарств. Таково содержание воспоминаний Тайглера по Чечельницкому гетто.

С самой подлой стороны вели себя еврейские предатели, прислуживающие оккупантам. Двум жителям местечка - красноармейцам Янкелю Тенцеру и Мотлу Блюменталю удалось бежать из немецкого плена в местечко. Янкель, к тому же, был ранен в голову. Их выдал румынам Иосиф Заславский и сам сдал в комендатуру. На глазах некоторых жителей, в том числе, жены Янкеля, они были расстреляны румынами. Немцы также периодически врывались в местечко и убивали евреев. Ежедневный террор проводили также украинские полицаи. Одна из самых страшных страниц связанных с ними, была попытка уничтожить евреев местечка путем провокации. На свадьбе своей дочери местный полицай Павел Гнида убил помощника коменданта румынской жандармерии, а затем попытался подбросить труп на территорию гетто. К счастью, румынские солдаты поймали его при этой попытке и затем расстреляли его и тех полицаев, которые были на свадьбе.

В моих воспоминаниях, маленького ребенка о тех годах, остались чувства ужаса, страха, холода и голода. Я запомнил истерический смех матери в самые опасные моменты, связанные с угрозой гибели. Часто, в такие дни мы отсиживались в подвале собственного дома, боясь даже кашлянуть. Уже ближе к приходу советских войск мы скрывались в украинской семье на окраине местечка. В целом, у родителей были неплохие отношения с местными украинцами, и это во многом было связано как с профессиональными навыками отца, как парикмахера, и огромным опытом матери, как медсестры, готовой в любое время дня и ночи прийти на помощь людям местечка и

окружающих украинских сел. В нашей семье, как полноправный член, жила с 1935 года наша няня, украинка-Анна Бойко. В годы оккупации она также осталась с нами, невзирая на опасность для нее нашего совместного проживания. Но разве эти факторы хоть как-то могли сказаться на благополучном исходе для нашей семьи? Наши родители, как и все евреи местечка, подвергались издевательствам как со стороны немцев, румын, украинских полицаев и даже своих еврейских предателей. Их жизнь была превращена в ад. Но они пытались сделать все, чтобы оградить нас - детей от всего того, что обрушивалось на них.

Моя сестра Дора со своей подругой Лизой Фишер даже в эти страшные годы занимались тайно по советским учебникам с преподавательницей Шурой Спектор, что позволило им после освобождения сразу начать учебу с 4-го класса, а не первого. Два племянника отца потеряли свое здоровье в гетто местечка. Один из них Саша Макаревский был насильственно угнан на судоверфи в Николаев и вернулся через несколько месяцев оттуда полуживой. Другой, Хананя Винокур был так избит полицаями, что остался заикой на всю жизнь. Оба они умерли потом совсем молодыми. Надежды на спасение не было никакой, хотя в местечке была подпольная еврейская группа, а в близлежащих лесах были партизаны. В парикмахерской отца работал молодой паренек Борис Цукерман, подслушивающий все, о чем говорили полицаи и немцы, и эту информацию передавал подпольщикам. Подполье в местечке возглавлял Исаак Грановский, ему помогала Евгения Борода. У них была тесная связь с партизанами, находившимися в близлежащих лесах. Именно от Грановского родители узнали о победе советских войск под Сталинградом. И, тем не менее, нам повезло в том смысле, что мы оказались в Транснистрии. Ведь на территориях занятых немецкими оккупантами даже гетто не создавались, а еврейское население подвергалось немедленно поголовному истреблению. 17 марта 1944 года местечко было освобождено.

Оставшимся в живых людям предстояло еще пережить

голод на Украине 1947-1948 года. Пережитая Катастрофа, голод, антисемитизм, нелояльное отношение властей, стремление евреев покинуть места массовой гибели и унижений, а также стремление переехать в большие города, чтобы дать детям образование привели к тому, что еврейская жизнь стала прекращаться даже в тех местечках, где часть евреев уцелела в ходе войны.

Развал СССР и возможность совершить алию или уехать в западные страны довели этот процесс до логического конца. Такие преимущественно еврейские местечки, как Чечельник, полностью лишились евреев. Но, еврейская жизнь местечка продолжалась и продолжается, хотя его бывшие жители оказались в разных странах, и в первую очередь в США и Израиле. Еще в советские времена в июне 1985 года бывшие жители местечка собрались на встречу в Одессе, где их было представлено около 40 человек. А спустя 10 лет в честь 50-летия победы над фашистской Германией уже 80 бывших жителей Чечельника собрались на встречу в Нью-Йорке. На встрече были люди, которые не виделись в течение десятков лет и даже не узнавали друг друга. Помимо нынешних жителей Нью-Йорка были представлены жители Чикаго, Лос-Анжелоса, Бостона, Малуоки. Также приехали люди из Канады. Нашлось еще много людей потом, которые не знали о встрече и сожалели, что не приняли в ней участие. Был заснят фильм об этой встрече и у её участников остались кассеты. Как было бы здорово провести еще одну такую «международную» чечельницкую встречу, но на этот раз в Израиле.

Наше поколение переживших Катастрофу уходит, и такая встреча должна обязательно проводиться с участием наших детей и внуков. Пусть знают, откуда мы, где наши корни, что нам пришлось пережить. Думаю, что нам есть, о чем поговорить на такой встрече и для идущих нам на смену это будет достойный рассказ. Моя дальнейшая жизнь была связана с Ташкентом, куда наша семья переехала полностью в 1954 году. Но, еще в течение многих лет мне не раз напоминали о моем пребывании в гетто. Советские

власти до 70-х годов 20- столетия относились к евреям, побывавшим в гетто, как к предателям! Мне хорошо запомнились многочисленные анкеты с вопросами «Где Вы находились во время войны?» при поступлении в институт, по его окончании, при устройстве на работу. С 1988 года, когда был создан Ташкентский еврейский культурный центр я был введен в его руководство и возглавил ассоциацию узников гетто в Ташкенте. Нам удалось оформить для бывших узников, в том числе из бывших жителей Чечельника, немецкую ренту, которую они в Ташкенте получали. В этом большую роль сыграло мое участие в семинаре в Иерусалиме в «Яд Вашеме» по истории Катастрофы в феврале-марте 1992 года. При содействии «Яд Вашема» мы получили все необходимые юридические консультации по оформлению документов для последующего получения ренты от Германии.

Прошло уже 60 лет после окончания Второй мировой войны. Все меньше остается людей, которые, несмотря на ужасные условия в концлагерях и гетто, дожили до сегодняшних дней. Особенно тяжелый и страшный груз воспоминаний остался у малолетних узников, лишенных детства, а ныне составляющих подавляющее большинство переживших Катастрофу. Их возраст уже составляет более 65 лет и не так много у них остается времени, чтобы засвидетельствовать пережитое. Время летит быстро. Теперь уже мне по характеру общественных дел в Иерусалиме, куда я приехал как новый репатриант в декабре 2004 года, приходится сталкиваться с пережившими Катастрофу в гетто и концлагерях. Многие из них влачат жалкое существование. Сказываются годы и те страшные испытания, которые выпали на их долю в годы войны. Наше государство обязано признать особый статус узников гетто и концлагерей, который может облегчить условия их жизни. И еще нужно обязательно собирать документы и свидетельства о населенных пунктах, в которых некогда были крупные еврейские общины. Ведь тех, кто еще хранит в памяти сведения о некогда процветающих местечках, сгинувших в

пламени Холокоста, с каждым годом становится все меньше и меньше...

«Новости недели» (Израиль) от 18 августа 2005 года.

Вишнивецкая Лиза (Фишер). Мне было всего семь лет...

*Еврейского характера загадочность
не гений совместила со злодейством,
а жертвенно хрустальную
порядочность
с таким же неумным
прохиндейством.*

Игорь Губерман

О СЕМЬЕ

Моя бабушка Гитл Княжевская умерла в 1953 году, дожив до 85 лет. Её мужем был Исраэль, еврей из Австрии. Когда там начались еврейские погромы, он понял, что надо бежать, что и сделал. После долгих скитаний добрался до Чечельника. Там он встретил свою судьбу, женившись на Гитл. В ее семье все были портные и Исраэля тоже обучили этому мастерству. Всего у бабушки с дедушкой было 17 детей. Мой папа Шулим из близнецов, были в семье ещё близнецы.

Со слов моего папы, дедушку Исраэля убили его же соседи, антисемиты, в 1922 году. А было это так: сосед вызвал дедушку рано утром, сказав, что пришёл заказчик. Когда дедушка вышел на порог своего дома, другой сосед выстрелил в него. Дедушке Исраэлю тогда было всего 47 лет.

Бабушке пришлось одной воспитывать своих малолетних детей. С возрастом дети унаследовали профессию своего отца - портняжничали. Старшие женились, но продолжали жить в родительском доме - все заработки шли в общий котел. Условия жизни были тяжёлые, не все дети выжили. Старший сын Аврум в 1929 году уехал с

семьей в Аргентину, а в 1933-м два брата папы, две сестры и бабушка уехали в Душанбе в поисках лучшей жизни, а также спасаясь от преследований местной власти.

Мой папа, Шулим Срулевич Фишер (1901 г.р.) женился на моей маме - Мане Абрамовне Коган (1909 г.р.) в 1924 году. Мама жила в местечке Бершадь, в 25 километрах от Чечельника. Со слов папы, это была образованная, интеллигентная, красивая девушка из небогатой семьи. Жилось моим родителям трудно, и мама научилась шить, чтобы помогать папе, который целыми днями работал в колхозе. В это тяжёлое время от голода умерли папина сестра Лея и папин брат-близнец. Имен других его братьев и сестёр я, к сожалению, не помню.

В нашей семье было трое детей: старший брат Суня (1926 г.р.), Борис (1929 г.р.) и я, родившаяся в 1934 году.

В 1935-м году, спасаясь от голода и в поисках лучшей жизни, мы тоже уехали в Душанбе. Родственники писали, что, по крайней мере, люди там не голодают. В 1936 году мама заболела малярией. Врачи посоветовали нам вернуться на Украину. В Чечельницкой больнице в то время работали немецкие врачи и медсёстры. Они ввели маме внутривенно лекарство биохиноль - по незнанию или умышленно - и она мгновенно умерла от эмболии сердца. Это лекарство - маслянистая жидкость применяется только внутримышечно. Впоследствии медицинский персонал был осуждён к разным срокам тюремного заключения.

После смерти мамы за нами, вынуждена была присматривать бабушка. К сожалению, ей, в ее преклонном возрасте, это было не под силу.

Папе ничего не оставалось, как привести в дом новую жену. И в 1938-м году папа женился вновь - на Двойре Миквельман. Нам повезло. Мачеха нас полюбила, душевно к нам относилась, старательно за нами ухаживала. Меня она очень любила и я её называла мамой. До 13 лет я даже не подозревала, что она нам не родная. Мачехой называть её не могу. Старшие братья Суня и Боря её называли тётей, но я не могла понять почему. И вот когда мне исполнилось 13 лет,

мой старший брат Суня повёл меня на кладбище и подвел к могиле мамы Мани. Это было для меня шоком. Я плакала, утверждала, что моя родная мама - Двойра. С возрастом, конечно, я все поняла, но маму Двойру очень любила и ценила.

В 1941 году, когда началась война, мой отец Шулим Фишер, был призван на фронт, а старшего брата Суню (Сеню) отправили в тыл для учебы в военное училище. Немецкие войска наступали, но я, мама и брат Борис не успели эвакуироваться. Колхоз, где работал папа, дал нам лошадь с телегой. Мы погрузили самые необходимые вещи - свои и родственников, усадили маленьких детей и бабушку и двинулись в путь. Взрослые шли рядом с повозкой.

Таких повозок, как наша, было много, все ехали по направлению к Днепру. Когда мы почти достигли реки, началась бомбёжка. Люди стали разбегаться в разные стороны, и в суматохе наша повозка куда-то пропала. Пришлось всем нам пешком возвращаться домой. Шли мы очень долго и наконец добрались до села Тартак. Все очень устали, нас мучила жажда и голод. В этом селе жили знакомые нашей семьи - украинцы. Мы к ним зашли. Хозяйку звали Палажка. Она нас всех напоила, накормила и спрятала в погребе, сказав, что в Чечельнике немцы организовали гетто. Мы просидели в погребе несколько суток. Затем хозяйка сказала, чтобы мы уходили так как она боится нас прятать, поскольку немцы объявили, что за укрытие евреев - расстрел.

Что нам оставалось делать? Мы направились куда глаза глядят, но вскоре нас догнали венгерские солдаты. Они не убивали евреев, но любили поиздеваться: играли на губной гармошке, пели песни, а нас заставили плясать на дороге. Увидев, что мы обессилены, они наконец оставили нас в покое и ушли.

Смеркалось. Какая-то крестьянка вышла, напоила нас водой, и мы продолжили путь. Наконец-то добрались до Чечельника. Так как гетто было на нашей улице, то все родственники поселились в нашем доме. Всего в доме жило

14-16 человек.

Надежды на то, что мы останемся в живых, не было. Мы были готовы к смерти ежеминутно. На протяжении трёх лет спали тревожным сном, не раздеваясь. Двери не запирались - таков был приказ коменданта, вероятно чтобы немцы могли поразвлечься или садистски поиздеваться над девушками, женщинами, а то и просто пострелять по живым мишеням. Но судьба хранила нас. Случались моменты, когда мы уже были на волоске от смерти, но происходило чудо, и мы оставались живы...

Первые немцы, вступившие в Чечельник, нас не трогали. Они победоносно шли по нашей земле, орали песни, хохотали, жрали шоколад, напивались. В Чечельнике они не задержались, отдав эту территорию в распоряжение

Я, мама Двойра и брат Борис 06/02/1948

Румынии. В местечке расположилась румынская комендатура. А румынские солдаты евреев не убивали, они их просто грабили: забирали драгоценности, ценные вещи, ткани - всё, что имелось в домах. Немецкие части СС появлялись у нас время от времени, совершая налёты на гетто: издевались над девушками и женщинами. Тех, кто не мог подняться - старых и больных, убивали на месте. Очень хорошо помню, как напротив нашего дома в упор расстреляли парализованного старика. Его сын начал

плакать, так немцы убили и сына.

Некоторым облегчением для нас служило то, что в гетто укрывались бежавшие от немцев бессарабские евреи, которые могли контактировать с румынскими солдатами, поскольку знали их язык. Так, по их совету мы писали на домах, где жили девушки, крупными буквами "тиф", и немцы боялись заходить. Это частично спасало от набегов.

Однако нашлись предатели украинцы, которые помогали нацистам уничтожать евреев. Помню, была такая Настя, которая помогала немцам - выдавала многих евреев за коммунистов, и их тут же расстреливали. Для развлечения немцев Настя указывала им дома, где жили девушки. В нашем доме жили две взрослые девушки - Соня и Песя, им было 18-19 лет. Их всегда прятали на чердаке в шелухе от семечек (она использовалась для отопления) из маслобойки. Много раз во время обыска немцы протыкали эти кучи шелухи, но сёстры даже голоса не подавали, хотя и были ранены штыками. Одна из сестёр - Соня Фишер - живёт

Мой папа Шулим Фишер
22/01/1945

сейчас в Майями, ей 75 лет. А вторая - Песя Клецельман - умерла в 1996 году в возрасте 75 лет в Хайфе. В гетто лишился левой руки мой двоюродный брат Ульян Клецельман (1937 г.р.), сейчас он живёт в г. Нацрат Илите. Мой брат Борис, которому в войну было 12-13 лет, делал ночные вылазки в огород: руками выковыривал картошку, запихивал под рубашку, и мы были счастливы - варили кожуру с древесными опилками, а очищенную картошку

употребляли как деликатес.

В 1942-1943 годах у нас в доме стали появляться

партизаны. Они приносили нам немного еды, рассказывали, о чем говорится в сводках Советского информационного бюро. Мы давали им кое-что из одежды. Связь с партизанами поддерживал мой дядя Хаим, которого не взяли в армию из-за плохого зрения. Он входил в состав юденрата и вместе с другими, как мог, защищал от нацистов, передавал

Мой брат Суня Фишер 1952 г.

партизанам информацию об акциях, планировавшихся в комендатуре. Так, немцы периодически отправляли молодёжь (как они говорили) на работу в Германию, и члены юденрата предупреждали о необходимости укрывать взрослых детей.

Тем не менее, дядя Хаим и его семья - жена Этя, дочери Доня и Соня, сын Зузик, которые вместе с нами пережили ужасы оккупации в Чечельницком гетто,

пострадали впоследствии от советской власти. А ведь он помог очень многим людям. Однако после войны дядю Хаима посадили в тюрьму на десять лет. Впоследствии его реабилитировали, но здоровье, которое он потерял в сталинских лагерях, не вернёшь.

Почти у каждой еврейской семьи были знакомые среди крестьян, которые спасали их от голода. И нам помогали такие добрые люди. Например, семья Багрий: Христя, Ваня и их дети - Саша и Валя, рискуя благополучием, а иногда и жизнью они приносили нам продукты, одежду. Сейчас в живых осталась только Валя и мы с ней продолжаем поддерживать связь.

В гетто люди тоже вели борьбу за выживание - принимали меры против распространения тифа, который буквально косил людей, свирепствуя в каждом доме.

Узники гетто, как могли боролись со вшами. Так как, не было мыла, головы мыли золой из печки. Правда, потом евреи, прибывшие из Бессарабии, научили нас варить мыло.

Развлечений у детей было очень мало. В самый сильный мороз мы выбегали на улицу легко одетые, без варежек, катались со снежной горки. Кончилось это тем, что мой брат и я отморозили кисти рук.

Старались учиться. Вечерами зажигали керосиновую лампу, ставили её под стол, окна закрывали ставнями и завешивали плотной тёмной тканью, чтобы немцы не видели, что кто-то есть в доме. Старшие дети учили младших алфавиту, арифметике, разучивали стихи.

Помню учительницу - её звали Шура, которая учила нас языку идиш, за что я ей безмерно благодарна. Благодаря Шуре в конце войны, в марте 1944 года, меня приняли сразу в третий класс.

Сентябрь 1944 год. Первый раз в четвёртый класс

То, что мы остались живы - это просто чудо. Помню, зимой 1944 года, перед освобождением Чечельника нашими

войсками, ночью в дом ворвались эсесовцы и всех выгнали на площадь. Было объявлено, что тех, кто останется дома - расстреляют. Я в это время спала в доме и фашисты меня обнаружили. Мама и брат Борис стали упрашивать немцев разрешить взять меня с собой на площадь. Те смиростивились и разрешили. Разве это не чудо?

Очень хорошо мне запомнилось бегство немцев в марте 1944 года - одни были вообще без одежды, другие завернулись в простыни, третьи - босые или в одном нижнем белье. Мы, дети, смотрели на них и радовались: наконец-то настала долгожданная победа!

В памяти до сих пор живы воспоминания о том, как погибли мой дядя Ушер и его брат Моше Фирер в Бершадском гетто (Винницкая область). В феврале 1944 года немцам донесли, что у одного из жителей городка спрятаны списки людей, поддерживающих связь с партизанами. Всех мужчин местечка арестовали, а потом расстреляли.

Моя тётя Рухл узнала своего мужа среди убитых по носкам. Когда немцы пришли с обыском в дом моей тётки, один из них сунул дуло пистолета в рот её восьмилетней дочурке Нюсе. Девочка от страха потеряла дар речи и заговорила лишь через несколько месяцев.

Моя родственница Дина Фирер (теперь Авербух) не может забыть, как издевались немцы над Янкеле Вицером из Красносёлки, сколько бед выпало на его долю! Знаю, что сейчас он в Израиле, но не упускает малейшей возможности побывать на могиле родных и близких в родном местечке.

В дополнение хочу сказать, что мои подруги, с которыми я была в гетто, сейчас тоже живут в Израиле: в Хадере - Белла Тульчинская, в Нацрат Илите - её сестра Нюся, Арон Геллер. Лёва Вишневецкий и Дора Канцлер живут в Петах-Тикве, Александр Вишневецкий - в Иерусалиме. Яша Вишневецкий живет в Америке. Там же, в США, поселились и другие наши земляки - Лёва Барабаш, Суня Подошва, Сёма Гойхенберг, Шейндл Маламудман и другие. Кстати, Суня Подошва, прожив 11 лет в Америке, всё-таки в 2006-м году приехал в Израиль и поселился в Бат-

Яме. Все они могут подтвердить рассказанное мной, ибо все эти страшные годы я жила рядом с ними и мы вместе прошли эти нелёгкие испытания.

Мы, евреи, не имеем права забывать о геноциде. Я считаю, что евреи должны жить в нашей стране Израиле, строить будущее для наших детей, внуков и всего еврейского народа.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Чечельник освободили в апреле 1944 года. Папа с братом ещё не вернулись, и мы о них ничего не знали. Но я по детски утверждала, что папа с братом вернутся и я Суню узнаю по гладкому лицу, ведь он ещё не брился. В 1945 году пришло первое треугольное письмо от Суни. Он закончил военное училище и отыскал папу в госпитале города Тбилиси, которого ранили под Сталинградом в 1943 году и он был направлен в тыл на лечение. Там он и дослужил до конца войны в тыловых войсках и вернулся домой 5 июля 1945 года инвалидом первой группы.

Я и мой брат Борис Фишер 04/05/1952

Послевоенное время было очень тяжёлое: разруха, низкие урожаи, за инвалидность платили мизерную пенсию и папа работал в колхозе за трудовни. Колхозникам в конце

года, после сбора урожая, давали по 200 граммов зерна за каждый заработанный трудодень. Зерно мололи на мельнице. Полученной муки хватало нашей семье на два месяца.

На Украине в это время царил голод. Но, нам повезло, что папа был портным. Поскольку денег на продукты питания не хватало, он по вечерам подрабатывал еще и шитьем. Маме Двойре хватало работы дома.

Нас спасло и то, что мы имели небольшое хозяйство: корову, кур и огород. Я и мой брат Борис помогали родителям вести хозяйство, я даже научилась доить корову.

В апреле 1944 года, после освобождения Чечельника нашими войсками, я пошла в школу. Проучилась три месяца в 3-м классе, а в сентябре меня перевели в 4-й класс. Учиться было трудно: не было учебников, тетрадей, ручек, чернил, карандашей. Мы разрезали бумажные мешки, разглаживали эту толстую бумагу, затем сшивали в виде тетрадей или писали на газетах. У некоторых эти газеты сохранились. Чернила мы делали из бузины. Учились с большим желанием. Я была хорошей ученицей, мечтала после школы стать врачом.

В 1952 году, по окончании десяти классов, мы с папой поехали в Винницу сдавать документы в медицинский институт. Но в институте нам откровенно дали понять, что евреев сюда не принимают. Предприняли еще одну попытку, но и в Одесском мединституте, куда мы приехали подавать документы, получили такой же ответ. Правда, намекнули, что если дадим взятку – 2.000 рублей, то я смогу там учиться, но, к сожалению у папы не было таких денег, а кроме того, он сказал мне, что как честный человек, он никому взятку давать не собирается.

Я очень хотела учиться и родственники из Душанбе посоветовали поступать в Таджикский медицинский институт. Папе не хотелось отпускать меня так далеко, но мама меня поддержала. Впоследствии они гордились, что я стала врачом.

Мне и моей подруге Доне предстоял длинный и нелегкий путь. Из Чечельника мы доехали до станции

Рудница, там пересели на поезд Одесса-Москва. И вот через 30 часов мы прибыли в Москву.

Поезд из Москвы в Душанбе отправлялся два раза в неделю, но билетов не было. Мы с Доней присоединились к семье из Чечельника, которая добиралась до Ташкента. На Казанском вокзале мы сидели неделю, съели все продукты, взятые из дому, потратили почти все деньги. Наконец объявили, что отправляется дополнительный поезд на Ташкент вне расписания. Семья Барских и мы с Доней купили билеты на этот поезд и тронулись в путь. Поезд делал остановки только для того, чтобы запастись водой и топливом, в стороне от станций, на разъездах. Негде было купить продукты, а наши кончились. У одной девушки из нашего вагона (это был товарный вагон, без туалета и воды) было сало, и мы ходили по всем вагонам поезда и меняли кусочки сала на хлеб. Поезд был в пути две недели. Наши родные, обеспокоенные тем, что мы не давали о себе знать, объявили нас во всесоюзный розыск. Наконец-то мы прибыли в Ташкент. На вокзале нас уже ждали - поднятая на ноги милиция и родственники Дони. Мы привели себя в порядок, отдохнули. Через 3-4 дня я поехала в Душанбе к моим родным в обычном пассажирском вагоне.

Все годы учёбы я жила у тёти Молки Гарбуз. Семья тёти Молки ютилась в глиняной кибитке из трех маленьких комнатук, еду готовили на примусе на улице. У тети было двое детей и её мама Гитл - моя бабушка. Муж, Аврум Гарбуз, погиб на фронте при обороне Москвы.

Надо учесть, что я окончила украинскую школу, а экзамены надо было сдавать на русском языке, который знала плохо. Преподаватели с пониманием отнеслись к моей русско-украинской речи. Выдержав конкурс в 1952 году, я была зачислена студенткой Таджикского государственного медицинского института.

Я училась хорошо, получала стипендию. Каждый месяц получала посылку от родителей - топлёное масло с мёдом, сахар. Денег они не могли послать - их у них не было. Всех

студентов посылали в колхоз на сбор хлопка, за это нам платили. На заработанные деньги я купила папе костюм, рубашку и туфли. В этом костюме он сфотографировался с мамой.

Папа Шулим и мама Двойра, 1954 год

Подаренный мной костюм он одевал на все праздники, не забывая упомянуть, что его ему купила дочь - студентка, будущий врач.

Хочу отметить, что в нашем местечке еврейские дети стремились получить образование, но оно не всем было доступно из-за 5-й графы в анкете. В классе, в котором я училась, было 35 еврейских детей, четверо из них поступили в институты. К сожалению, многих уже нет в живых. В Израиле живут моя подруга Доня Канцлер, Арон Геллер и моя двоюродная сестра Доня Пекер.

Я закончила медицинский институт в 1958 году. 25 февраля этого же года вышла замуж и получила направление на работу в г. Чебоксары, столицу Чувашии, где жил мой муж Роман Вишнинецкий.

Там я проработала 33 года невропатологом. Тогда в

республике не хватало врачей, мне приходилось летать самолётом по республике, чтобы оказывать неврологическую помощь, консультации и лечение.

Я, Муся Шпигельский, Бела Тульчинская и др. 1953 г.
Встреча бывших одноклассников в Чечельнике.

Мне повезло в жизни, что я вышла замуж за хорошего человека. Поскольку мне часто приходилось ездить на курсы повышения квалификации в другие города, он оставался сам с двумя детьми, ведь родители не жили с нами и няни не было. Роман мне помогал в домашнем хозяйстве, мы вместе воспитывали двух наших сыновей. Муж вначале работал инженером, а затем стал заместителем директора завода, был очень занят. Тем не менее, семья у нас была на первом месте. Мы старались, чтобы дети получили хорошее воспитание: они занимались спортом, музыкой, учёбой. Старший сын Марк закончил медицинский факультет Чувашского Государственного университета в г. Чебоксары, работал психиатром, женат, вырастил двух дочерей - Дину и Аллу. Ян, наш младший сын, учился в Московском кооперативном институте на экономическом отделении. Он женат, его дочь Николь и сын Шарон родились уже в Израиле.

В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

Мой папа всегда мечтал уехать в Эрец-Исраэль, но в те годы, он не мог осуществить свою мечту. Он был очень религиозным - молился, соблюдал еврейские традиции. Отец считал, что евреи должны жить вместе, особенно после Катастрофы, которая унесла жизни шести миллионов евреев.

Ещё до войны синагогу в Чечельнике закрыли, советская власть превратила её в склад для хранения сельхозпродуктов. Евреи тайно собирались на молитву, хоть тогда это запрещалось, каждый раз в разных местах. Но нет худа без добра. Когда мы жили в гетто во время войны, горох, который хранился в синагоге, пригодился, спасая людей от голода.

В послевоенные годы было очень трудно уехать в Израиль. Мы, дети, были воспитаны в духе атеизма. Папа ходил молиться тайком, чтобы дети не видели, боялся испортить нам карьеру - старший брат был офицером, второй брат учился в техникуме, а я была комсомолкой. Сам папа все годы подвергался преследованиям. Как я уже писала, по специальности он был портным и после трудового дня в колхозе шил одежду, кроме того, аккуратно платил налоги. Начальник финансового отдела Омецинский приходил на проверки поздно вечером и постоянно вымогал деньги. Долго продолжались издевательства над больным человеком, который старался заработать копейки для семьи. Однажды мой старший брат Суня, офицер Советской армии, ознакомившись с финансовыми законами, «разобрался» с начальником финансового отдела и тот оставил папу в покое.

Морально мы не были готовы к переезду в Израиль. Ведь материальных трудностей мы не испытывали. У нас была просторная трехкомнатная квартира, хорошая работа, дача, машина, а также почёт и уважение со стороны окружающих и коллег по работе.

К сожалению, в 1991 году никакой информации об Израиле у нас не было. Евреев в Чебоксарах было мало, о существовании Сохнута мы не знали. Мои родственники из Душанбе тоже приняли решение переехать в Израиль, Ян

даже съездил туда, чтобы собрать информацию о предстоящем переезде.

В конце марта 1991 года мы всей семьей: я, муж, Марк с женой и двумя дочками, девятилетней Диночкой и двухлетней Аллочкой, а также Ян с женой приземлились в аэропорту Бен-Гурион. Встретили нас тепло. Помню, как мы радовались, что наконец мы на своей исторической родине!

Наши сыновья - наша гордость, 1990 год

Начинать жизнь с нуля в солидном возрасте, мне 57 лет, мужу 62 года, было очень сложно. Незнание языка, частые переезды с одной съёмной квартиры на другую, нелегкие бытовые условия...

В Афуле мы сняли четырехкомнатную квартиру на три семьи - девять человек. Были материальные затруднения и поэтому мы не гнушались никакой работы: кто-то из нас смог устроиться на мойку машин, кто-то убирал квартиры или подъезды. Платили тогда 3-5 шекелей в час. В ульпане учились посменно, чтобы свободные от занятий, оставались с малышами. Я тоже подрабатывала по своей специальности. У меня появились пациенты из семей, разговаривающих на идиш.

Мы записались в ульпан, чтобы учить иврит, но преподавательница Эдна решила перевести нас с мужем в

группу пенсионеров. Она сказала, что в нашем возрасте язык не понадобится, поскольку работу мы не найдем. Я была просто убита её словами. Но это меня не остановило, и я твердо заявила: несмотря ни на что, я выучу иврит и буду работать врачом. Убедившись в моем непреклонном желании учиться, преподавательница предложила мне заниматься индивидуально у неё дома. Муж и дети не стали возражать. После уроков в ульпане мы ехали к ней домой в мошав, и я продолжала заниматься у неё дома в течение двух недель. Иногда Эдну заменяла другая учительница - Ривка, которая мне тоже давала уроки на дому, взамен я лечила их детей.

Однажды я ночевала у Эдны дома. Ночью я услышала, что её девятилетний сын задыхается от приступа астмы. Разбудив Эдну, я сказала ей, что могу помочь мальчику иглотерапией (у меня всегда при себе были иголки). Она ничего не знала об этом методе лечения, но доверилась мне. Я поставила ребенку иголки, он пришёл в сознание, и дыхание у него восстановилось задолго до приезда «скорой помощи».

Вернувшись в ульпан, Эдна рассказала учителям о моём методе лечения, о том, как я помогла ее сыну. Ко мне стали обращаться и другие преподаватели. Денег за лечение я не брала, взамен получая уроки иврита.

После окончания ульпана в октябре 1992 года, пройдя стажировку по неврологии в неврологическом отделении больницы в городе Афула, я получила разрешение работать врачом, но устроиться на работу не удалось, несмотря на упорные поиски. По инициативе Натана Щаранского, бывшего в то время министром абсорбции, были созданы курсы переквалификации врачей. Конкурс был огромный. На 75 мест претендовало, как я уже упоминала, девять тысяч врачей. Откровенно говоря, иврит я знала недостаточно хорошо и понимала, что у меня не так много шансов попасть в число учащихся. Но свет не без добрых людей. Заведующая отделом здравоохранения г. Афула д-р Марьяна убедила меня принять участие в конкурсе, и этот этап, который проходил в отделении минздрава г. Афула, я благополучно

одолела. После этого, приняв участие в конкурсе в г. Хайфа, я поступила на курс. Год занятий был очень напряжённым. Ежедневно утром ездила на автобусе в Хайфу, возвращалась в Афулу ближе к вечеру. Тогда же я открыла частную клинику альтернативной медицины, где в 17:00 меня уже ждали пациенты. Новый метод израильтяне восприняли вначале с опаской, но поскольку лечение было эффективным, пациентов становилось все больше, и мне приходилось задерживаться на работе до позднего вечера. Когда поняла, что не справляюсь, мне на помощь пришёл мой сын Марк, врач. Он владел методами иглотерапии, и мы стали работать в клинике вместе.

В 1993 году мы наконец-то разъехались, купив отдельные квартиры в Нацрат Илите. Я очень признательна своему мужу Роману. Благодаря ему я сумела освоить иврит, прошла курсы переквалификации. Он освободил меня от всех домашних забот, и я смогла уделять все время учебе. Я счастлива, что в Израиле смогла принести пользу людям и работать по своей любимой специальности - врачом.

В 1994 году я прошла годичные курсы переквалификации на детского врача и работала детским врачом в детской консультации и школьным врачом до 2002 года в Министерстве здравоохранения города Афула.

У нас замечательные дети. В клинике работает врачом Марк. Ян работает экономистом на заводе, его жена Ирина врач-окулист, работает в Афульской больнице. Сейчас, когда мы с мужем достигли преклонного возраста, когда здоровье подводит, их помощь просто неоценима для нас.

Мы с мужем уже прабабушка и прадедушка: старшая внучка Дина замужем, живет и работает в Тель-Авиве. У них двое малышей - пятилетняя Ярден и пятимесячный Яар. Вторая внучка - Алла закончила университет, отделение экономики и управления. Третья внучка - Николь отслужила в армии, пока познаёт мир, путешествует. Четвёртый наш внук - Шарон закончил 10 классов. Я счастлива, что мои внуки живут и учатся в замечательных условиях. Их не сравнить с моим трудным детством и даже с детством и

юностью моих детей. Надеюсь, что в Израиле, на своей родине, они добьются того, чего сами хотят. Главное, чтобы над нашей страной всегда было мирное небо, чтобы не было террора.

Хотя мы с мужем уже пенсионеры, но стараемся не сидеть дома сложа руки. После ухода на пенсию я посетила музей Катастрофы и Героизма еврейского народа в нашем городе.

Заведущая Хана Вайс пригласила меня и мужа работать, чтобы рассказывать молодому поколению о гибели 6 млн. евреев только потому, что они были евреями. Роман пять лет трудился на добровольных началах в музее

Наши внучки: Николь и Алёна, 2014 г.

Катастрофы и Героизма еврейского народа, а я продолжаю там работать вот уже 13 лет. Ежегодно в нашем музее мы проводим уроки Холокоста для учеников 7-8-х классов совместно с учителями, устраиваем встречи школьников с узниками гетто и концлагерей под девизом "Никто не забудь!". Экскурсии по музею проводятся на иврите, русском и английском языках.

В 2009 году режиссёры Яфа Алони и Рухале Авива поставили спектакль «СВИДЕТЕЛЬСТВА» с участием переживших Катастрофу сотрудников нашего музея: Ханы

Вайс, Сойфер Адель и меня, а также, узников Холокоста Симы Каменецкой, Геллер Аркадия и Аллы, Доры Голод, Райз Цепоры, Иды Пудель, принимали участие и ученики школ. Во время спектакля зрители переживали, плакали. Спектакль был на языке иврит. Участники получили много аплодисментов, благодарностей и цветов.

В марте 2014 г. администрация нашего города выпустила фильм «Чтобы Помнили», в котором мы, работники музея (Хана Вайс, Адель Сойфер и я) перенёвшие Холокост рассказывали о тяжёлых годах того периода.

<https://www.youtube.com/watch?v=vFI2vXGcklY>

Судьба моих братьев Бори и Суни иная: когда открылся железный занавес, Боря начал оформлять документы на выезд в Израиль, но накануне своего 60-летия внезапно умер от инфаркта. Его семья: жена, дочь с мужем и два внука приехали в Израиль в 1990 году и поселились в г. Афула.

Музей Катастрофы и Героизма еврейского народа в Нацрат Илите, 2014 г.

Старший брат Суны с двумя взрослыми сыновьями и их семьями в 1993 году уехали на постоянное место жительства в Германию.

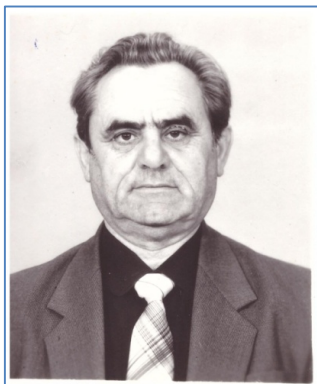
Память о войне жива во мне до сих пор. Узнав, что в марте 2014 года Всеизраильская ассоциация гетто и концлагерей объявила конкурс на лучший рассказ «Моя Мама», я поделилась воспоминаниями о маме Двойре, о нашей жизни в гетто. Моя работа была удостоена диплома.

ЭПИЛОГ

... Прошли годы - не прошли, а промчались, как один миг. Оглядываясь назад, понимаешь: мы счастливы, что живем в своей стране, мы благодарны за это судьбе. Как жаль, что у наших родителей жизнь сложилась по-другому, что не осуществились их мечты приехать на историческую родину!

Мы гордимся своей страной. Крошечный Израиль, принял в считанные годы более миллиона человек ! Все, бывшие советские граждане и другие репатрианты получили деньги на обустройство, жилье и курсы языка. Ни одна семья не осталась без крыши над головой, без денег, без вещей на первое время, без медицинской помощи, без школ и детских садов.

Правда и мы, позабыв про усталость и возраст, трудились не разгибая спины, помогали друг другу. Не рассчитывая на чью то помощь, брались за любую работу. Теперь, когда все трудности позади, можно подвести итог - жизнь удалась.

Вишнинецкий Роман (Рувен) . Я был смелым мальчуганом.

Я, Вишнинецкий Роман (Рувен) родился 7 ноября 1929 года в м. Чечельник Винницкой области, Украина. Мой отец Вишнинецкий Беня Шломович (1892 г.р.) был мобилизован на фронт в 1941 году и воевал до победного 1945 года.

После демобилизации ему удалось остаться в Польше, так как он слышал, что евреи гетто Чечельник были уничтожены немцами.

Но мы папу разыскали, и он прислал нам вызов для выезда в Польшу, а оттуда был свободный выезд в США. Но мама отказалась ехать и он вернулся домой в Чечельник.

Моя мать Рахель (1896 г.р), старший брат Шломо (1922 г.р.) и я не успели эвакуироваться и остались в м.Чечельник. В Одессе жил папин брат Гриша с семьёй. Моя сестра Лиза в 1940 г. уехала в г. Одесса. Там она работала на консервном заводе и училась на вечернем отделении в пищевом техникуме. Лиза и дядя с семьёй пропали без вести. Скорее всего, их вместе с одесскими евреями расстреляли.

В Чечельнике наш дом находился на окраине местечка, близко к поселку, где жили украинцы и поэтому, как только фашисты вошли в город, они разграбили его.

Когда было организовано гетто нас переселили в дом, где жила семья Шнайдер. Была большая скученность, антисанитария, особенно, когда пригнали к нам евреев из Бессарабии, люди лежали на улицах.

Нет смысла говорить о том, что жизнь была трудная: голод, холод, болезни, постоянные страх смерти - это было у всех.

Как я помню, выходить за пределы гетто было нельзя. Но, я был смелым мальчуганом. Видя, что дома нечего есть, я и мои друзья крадучись, забегали в украинские огороды за овощами и фруктами. Конечно, было страшно, так как

неоднократно по нам стреляли.

Румыны часто проводили акции - увозили людей на работу. Об этих акциях юденрат часто оповещал и люди прятались. Однажды румынские солдаты вместе с украинскими полицаями зашли к нам забрать моего старшего брата Шломо, но мама его спрятала, они искали его и не нашли, и тогда они забрали меня.

Мама сильно испугалась и плакала, но я её успокоил, сказав, что все равно убегу. Мама дала мне последний кусок хлеба и какие-то ещё продукты. Всех отправляемых собрали во дворе жандармерии. У меня была возможность убежать уже оттуда, но пришлось бы бросить мешочек с хлебом, и поэтому я не стал ничего предпринимать. Когда собрали всех, полицаи повели нас к грузовику и посадили в кузов. В кузове были несколько связанных партизан и люди из Чечельницкого гетто. По углам были немецкие солдаты и полицаи с винтовками. Можно было прыгнуть и с машины, но я не знал, идёт ли за нами ещё один грузовик.

Ночью нас привезли в гетто в г. Балта и выгрузили на огромной огороженной площади. Сюда привозили евреев со всех местечек, а утром проводили селекцию - вызывали по спискам: пожилых в одну сторону, молодых в другую. Маленьких детей было не много, и я хотел присоединиться к ним (думал что нас отправят домой). Но, румынский жандарм меня так ударил, что я упал и потерял сознание.

Когда я очнулся, услышал, что меня могут отправить вместе с большой группой людей, на строительство моста в г. Николаев.

Про этот лагерь я слышал ещё в Чечельнике, что оттуда никто не возвращается живым, и я решил бежать. Сделать это было очень трудно: вокруг лагеря была высокая железная изгородь, широкие ворота с вооружёнными румынскими охранниками. Через ворота заезжали машины, заходили и выходили люди по пропускам.

Я присмотрелся к одной паре, у которой были пропуска, и незаметно от охранника к ним пристроился. Так я убежал из лагеря в Балтинском гетто. Хорошо, что ещё в Чечельнике

мама дала мне фамилию своих знакомых в Балте. Я их с большим трудом нашёл. Они меня приняли, и я пробыл у них 2 недели (больше было нельзя). С помощью румынского жандарма, которому эта знакомая заплатила, я добрался до ближайшего села. Но чтобы попасть в Чечельник, нужно было перейти через мост, а он охранялся. Я попросил помощи у одного крестьянина, который ехал на подводе и тот согласился меня провезти. Он спрятал меня в подводе под соломой. Я знал, что этот крестьянин сильно рисковал. Ведь за то, что он прятал еврея, его могли и убить.

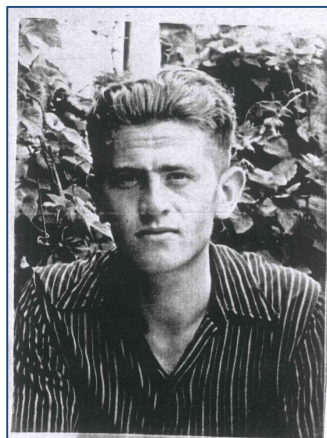
Вначале я пришёл в посёлок Ольгополь. Из Ольгополя (там тоже было гетто) в ночное время шёл 8 километров до Чечельника, но в гетто боялся зайти, думал меня отправят обратно в гетто в Балту. Поэтому пошёл к хозяину консервного завода, куда меня раньше отправляли работать. Через знакомых попросил передать маме, что я живой. Обрадованная, она вскоре прибежала, и мы вместе пришли назад в гетто Чечельник. Мои опасения, что меня снова отправят в гетто в Балту не оправдались. Все хвалили меня за то, что сбежал. И я до окончания войны работал на этом небольшом заводе, где консервировали овощи, фрукты и делали соленья. Готовую продукцию отправляли в бочках и ящиках. За работу мне хозяин давал некоторые продукты, а зимой древесные отходы для отопления. И я сильно гордился тем, что помогал выжить семье в это тяжёлое время.

Всё это приключилось у меня в возрасте 12 лет. Видимо во время войны, мы быстро выросли.

Хорошо помню день, когда нас освободила Советская Армия. Радость, слёзы, веселье, ожидание встречи с родными.

После войны я продолжил учёбу в школе, затем окончил Одесский пищевой техникум. С 1950 по 1955 год служил моряком на Черноморском флоте. По направлению работал в системе пищевой промышленности. Женился на Лизе Фишер, землячке, также узнице гетто в Чечельнике и, будучи уже отцом двоих сыновей - Марка и Яна продолжил учёбу в Московском политехническом институте.

В марте 1991 года вся наша семья по зову души, приехала в Израиль. Сейчас живём в Нацрат Илите. Конечно, годы, проведённые в гетто дают себя знать, иногда подводит здоровье. Но важно, что мы выжили и победили!

Геллер Аркадий. «...Чтобы не умереть с голоду приходилось рисковать жизнью».

Я, Геллер Аркадий (Арон) Наумович (Нахменович) родился 20 октября 1932 года в м.Чечельник Винницкой области, Украина. Наша семья: папа Нахмен, мама Удя, сестричка Соня и бабушка Хана жили в Чечельнике, где у нас было полдомика из двух комнат и кухни. Мой папа работал заведующим пекарни. На момент начала войны многие жители уезжали. Наша семья тоже готовилась к отъезду, у нас уже была повозка и лошадь. Но папа не имел права уехать без разрешения начальства, так как он обеспечивал хлебом население и воинские части. Когда наши войска начали отступать, папе разрешили уехать, но было уже поздно, немецкие войска наступали, много людей погибло и мы остались в Чечельнике.

Был июль 1941г., уже была слышна стрельба. Мы все были охвачены страхом и ужасом. Взяв небольшие узелки, немного еды и воды вместе с другими семьями, мы направились в оставленные нашими солдатами окопы на окраине Чечельника за МТС (машинно-тракторная станция). Люди думали, что окопы спасут. В окопах мы прятались какое-то время, но мне, восьмилетнему мальчику показалось очень долго. У нас кончилась еда, вода. Маленькие дети, а моей сестричке Соне было три года, сильно плакали от голода и жажды. Взрослые боялись, что плач детей услышат

немцы. Как только могли старались успокоить детей. Помню как папа напоил сестричку её же мочой, так как она всё время просила пить.

Мы вернулись домой. На улице появились полицаи из местных украинцев и немецкие солдаты. Начались погромы, грабежи и убийства. Комендант, немец в очках со страшно злобным лицом часто появлялся у нашего дома.

Однажды я и моя сестричка Соня сидели на пороге дома. С противоположного дома в нашу сторону раздались выстрелы. Там на балконе стоял этот комендант-немец с оружием. Мы забежали быстро домой и это нам спасло жизнь. Потом мы разглядели пулевое отверстие рядом с тем местом, где мы сидели. Это чудо, что он не попал в нас.

Помню, что этот же комендант зашёл к нам что-то проверить. В доме была наша семья и племянница наших соседей. Девочка откуда-то приехала и я не помню её имени. Бабушка Хана сидела на низком стульчике около двери второй комнаты. Немец спросил у девочки сколько ей лет, она ответила на идиш -15. Немец потащил её в спальню, стащил с неё одежду. Мы были так испуганы - все тряслись. Когда он вышел из спальни, то увидел сидящую у двери бабушку, он ударил бабушку чем-то тяжёлым по голове, пробил ей череп. Бабушка была вся в крови. После этого бабушка Хана слегла и больше не поднялась.

Осенью по приказу коменданта всех евреев переселили на три крайние улицы. Это была территория Чечельницкого гетто. Наша семья перебралась в дом Шифры, которую мы называли тётей. Кроме того у неё заселились ещё несколько семей, в том числе одна семья беженцев из Бессарабии. Выходить за пределы гетто было запрещено. Кругом были посты немецких солдат и украинских полицаев. Родители перенесли в гетто из дома необходимое, кое-какие вещи спрятали в подвале, которые позднее удалось выменять на продукты.

Помню самый страшный момент нашего нахождения в гетто: началась стрельба, немцы и украинские полицаи выгоняли всех из домов на площадь на расстрел. Те, кто

сопротивлялся или не мог идти, были расстреляны на месте. Кругом валялись трупы. На площади нас окружили немецкие солдаты с пулемётами. Это был конец, все понимали, обнимались, прощались друг с другом. Стоял страшный крик и плач. И вдруг подъехал большой немецкий чин и что-то скомандовал. Тут же начали разгонять всех в гетто. Были отобраны мужчины, в том числе и наш отец. Мы вернулись домой без отца, не надеясь его увидеть живым. Но опять свершилось чудо. Поздно ночью отец вернулся в гетто чуть живой и рассказал, что их заставили собрать все трупы, выкопать яму и захоронить. После этой акции в гетто появились итальянские и румынские солдаты. Они грабили всё, что попадалось на глаза.

В гетто был староста из евреев - Иосиф Заславский. Он по утрам устраивал переключку взрослых и отправлял их на работу. Работа была разная. Иногда папа попадал на работу на маслобойку, где давили масло из подсолнухов. Ему удавалось принести кусочек жмыха. Это был для нас праздник. Из гетто выходить запрещалось. Однако, чтобы не умереть с голоду приходилось рисковать жизнью. Мама иногда под утро уходила из гетто, чтобы выменять или выпросить немного продуктов у украинцев. Мы никогда не знали, вернётся ли она живая или мы видим её в последний раз.

Наступила холодная зима, нечем было топить. Папа пару раз уходил в наш старый дом и приносил дрова, которые остались в подвале с довоенного времени. Но это был страшный риск.

В Чечельнике была синагога, которая использовалась до войны как зернохранилище. Молиться евреям там не разрешалось. Там хранился горох. Подросткам удавалось проникнуть внутрь и набирать за пазуху немного гороха. Это тоже было спасением от голода. Из-за страшного истощения, холода, постоянных переживаний мы часто болели. У сестрички Сони сильно болели глаза. Мама была так сильно истощена, что она стала похожа на подростка.

Помню такой случай, который произошёл с моим

отцом. Он не выполнил какое-то задание старосты гетто Иосифа Заславского. Староста выхватил у папы палку, с которой он постоянно ходил (инвалид с детства) и этой палкой он долго бил папу, пока палка не сломалась. Папа долго не мог оправиться от нанесённых ран и ударов.

В гетто с нами занимался ребе по имени Пиня-шойхет. Он организовал еврейскую школу для мальчиков 8-10 лет. В то время, когда мы были свободны от работы (чистка снега, уборка территорий, работа в огороде, уборка урожая), мы с ребе читали, считали, учили идиш и пополняли знания.

Все мы ждали освобождения, конца войны и всего этого ужаса и это была самая большая радость. Свобода пришла к нам 14 марта 1944 г. Мы перебрались в наш старый домик, вернее то, что от него осталось. В нём побывало немало мародёров.

После освобождения, в 1944 г. я сразу пошёл в третий класс. В 1947 г., будучи в пятом классе наша семья уехала в г.Ташкент. Там поступил учиться в железнодорожное ремесленное училище и получил специальность токарь 4-го

Синагога, которую превратили в магазин. 1963 год.

разряда и был направлен на электровагоноремонтный завод им. Кагановича токарем. Одновременно продолжал учёбу

при заводской вечерней школе, закончил семилетку.

В 1951 г. был призван на службу в Советскую Армию в Белорусский военный округ. В период службы в армии учился в школе младших авиационных специалистов по обслуживанию электрооборудования самолётов. В 1955 г. был демобилизован из армии и вернулся на тот же завод.

В 1956 г. поступил учиться в индустриальный техникум трудовых резервов по специальности технолог по холодной обработке металлов. По окончании, в 1960г. поступил на работу инженером на ташкентский завод радиодеталей в отдел главного механика, затем стал заместителем главного механика, где и проработал 38 лет до 1998 г. Уволился в связи с отъездом в Израиль.

В 1958 г. я женился. Жена - Геня (Макарей).
Наши дети: дочь Людмила (1959 г. р.) и сын Александр (1962 г. р.)

В 1995 г. наш сын с семьёй: жена Анна и их дочь Элиза репатриировались в Израиль в г.Нацрат Илит. В 1996 г. у них родился сын Элия - наш внук.

Аркадий и Алла Геллер. 2010 год

В 1998 г. мы с женой и семьёй дочери: Людмилой, её мужем Николаем и внуком Леонидом, тоже репатриировались в Израиль в г.Нацрат Илит.

Первое время было тяжело, приходилось выполнять

тяжёлые работы - мыть полы, работать на стройке и т. д (при высшем образовании). В настоящее время все дети работают на электронных заводах.

Старший внук Леонид отслужил в Армии Оборона Израиля и продолжает там служить по контракту. Женится, у него растёт прекрасная дочь Софи - наша правнучка.

Внучка Элиза служит в Армии Оборона Израиля в звании капитана, закончила Бар Иланский университет, имеет 2-ю академическую степень.

Каменецкая Сима. Наши страдания в период Холокоста трудно передать словами.

Я, Каменецкая Сима Ароновна родилась 1 января 1934 года в м. Чечельник Винницкой области, Украина. Когда началась война в 1941г. мне было 7 лет и 6 месяцев. Моего папу Арона (1907 г.р.) забрали на фронт. Мама Злота (1909 г.р.), братья Зиновий (1930 г.р.), Гриша (1939 г.р.) и я, не успели эвакуироваться и остались в Чечельнике. Там же остались дедушка с бабушкой - Гоферман Шмуль и Зисля, мамин брат Гоферман Лейб с женой Гитл с 2-я сыновьями: Пиней (1929 г.р.) и Яшей (1940 г.р.). Дядю Лейба на фронт не взяли из-за инвалидности по зрению.

Все наши родственники в гетто жили в доме маминых бабушки и дедушки.

Была у меня ещё одна бабушка - папина мама, она жила рядом с нами. Её дочь с девочкой эвакуировалась с партийным руководством, а бабушка не захотела с ними ехать. В один из дней я шла навестить её, не доходя до дома увидела как по лестнице к бабушке заходит молодая женщина и немец. Услышала выстрел, увидела, что они

уходят. Я испугалась, побежала к своим и рассказала, что убили бабушку.

Позднее я узнала, что молодая женщина – это Настя, ярая антисемитка, которая водила немцев к семьям коммунистов.

От верной гибели нас спасло то, что вскоре немцев заменили румынские войска. Жандармерия с помощью украинских полицаев выгоняла всех на всякие работы - и детей и взрослых. В большом парке были их казармы, которые мы убирали и за это нам давали остатки пищи. Мы дети, работали с мамой на сахарном заводе - разбирали замёрзшую свеклу, чистили её, и эту свеклу нам давали за работу.

Нам повезло, что наша бабушка гадала на картах. К ней приходили люди на гаданье - крестьяне из соседних сёл. Эти добрые люди иногда приносили бабушке продукты.

Когда прибыло много беженцев из Румынии, то в каждом доме стала большая скученность, антисанитария, болезни и голод. Из-за болезней умерли в 1943 году мой дядя Лейб и его жена Гитл. Их два сына остались на руках моей мамы.

Я хорошо помню, что в гетто нам делали уколы, будто бы профилактические прививки от заболеваний. Уже потом я узнала, что это были медицинские опыты.

Наши страдания в период Холокоста трудно передать словами. Но, после войны, мы никому не рассказывали о фашистских злодеяниях над евреями, даже своим детям. Скрывали факт нахождения в гетто, так как из-за пребывания в нём нас не принимали в институты, а также на престижную работу. Советская власть делала вид, будто ничего и не было.

Мой отец вернулся с войны в июле 1945 года, но наш дом был разрушен и мы все жили в доме бабушки и дедушки. Папа работал бухгалтером, а мама продавцом в продовольственном магазине, дети учились в школе. В первые годы не было книг, тетрадей, но мы стремились учиться, получить специальность. Я закончила 7 классов с отличием и в 1950 году уехала в г. Ленинград, где жил мой

дядя Григорий. Там мне удалось поступить в фармацевтическую школу и закончила её с отличием в 1953 году. Это помогло мне поступить в фармацевтический институт, так как евреев ограниченно принимали в ВУЗЫ, и только отличники имели большой шанс.

В 1957 году будучи студенткой, вышла замуж. Мой муж Лев, закончил машиностроительный техникум в г. Одесса. В 1958 году, по окончании института, я по распределению поехала в г. Херсон, где работала фармацевтом до отъезда в Израиль. Лев работал на заводе по производству сельскохозяйственных машин. В декабре 1958 года у нас родилась дочь Зоя. Мой старший брат Зиновий окончил сельскохозяйственный институт, работал в колхозе агрономом, награждён государственными наградами. Младший брат Григорий закончил в г.Одесса институт измерительных приборов и работал инженером. Старший брат Зиновий с семьёй живут в Германии, младший брат Григорий в США.

В 1965 году после смерти бабушки и дедушки в Чечельнике мы забрали маму и папу к себе в Херсон, где папа умер в 1977 году, а мама умерла в 1993 году.

После распада Советского Союза в Херсоне стал проявляться антисемитизм, и евреям стало страшно жить. Мы с мужем, дочь с мужем и внучка Лена приехали на постоянное место жительства в Израиль. Мы поселились в г. Нацрат Илите, где в октябре 1995 года дети купили 4-х комнатную квартиру и мы живём теперь все вместе. Мой муж умер в 2012 году. Дочь Зоя по специальности фармацевт, но, к сожалению, не смогла устроиться по специальности и поэтому работает на разных работах, а зять работает на заводе инженером. Внучка Лена после окончания школы служила в ЦАХАЛе, затем закончила колледж в г. Нацрат Илите. Сейчас работает на заводе младшим инженером и продолжает учёбу.

70 лет как окончилась эта страшная война. Но, воспоминания о годах, проведённых в гетто не дают покоя ни днём, ни особенно ночью. Пусть наши дети и внуки никогда

не узнают того, что пришлось пережить нам, малолетним узникам этого ада, созданного фашистами, и их сателлитами и прииспешниками.

Лейбман Анята. «...Даже в таких нечеловеческих условиях, евреи, оставались **ЕВРЕЯМИ**».

Во время Великой Отечественной войны мы жили на Украине в м.Чечельник Винницкой области, где фашистами было организовано гетто. О том, что жизнь была ужасной, а все тяготы легли на плечи женщин и стариков (мужчины были на фронте) и говорить не приходится. Нам, евреям досталось невзгод на полную катушку.

Моего дядю Ушера до полусмерти избили шомполами за то, что он не успел пришить себе на одежду шестиконечную звезду. На наших глазах немцы творили страшные злодеяния: убивали, вешали, насиловали и потом расстреливали.

А как мы голодали... Рады были варёной свекле, которую моя мама Эстер получала за пошив брюк или стёганных валенок. Шила она ночью, потому, что днём её с другими женщинами гоняли на разные работы. Когда я спросила маму, что мы пили в гетто, ведь мы были отрезаны от колодца, она ответила "... фын акалюжи - из лужи...!"

Несмотря на горечь утрат и беды, я хочу рассказать о том, что даже в таких нечеловеческих условиях, евреи, оставались **ЕВРЕЯМИ**.

И в условиях гетто, мои родственники и наши соседи, не скупилась на добрые дела, думали не только о своём спасении и о своих детях, но и старались помочь выжить другим.

Мы жили в большом доме моего деда Плацмана Пейси, который умер перед самой войной. В нашем доме также жили евреи из Румынии. На принудительной работе с мамой работал беженец из Бессарабии, и он поделился, что умеет шить, но у него нет швейной машинки, чтобы заработать на еду. Моя мама отправила его к своей маме, т. е. к моей бабушке у которой была машинка покойного деда, и она отдала ему машинку. Мужчина оказался совестливым и сказал, что их скоро угонят дальше и он не сможет ей вернуть машинку, на что бабушка Хая ответила: война - для вас и для нас одинаковое горе. Другому беженцу бабушка отдала тулуп деда, увидев что он в лохмотьях.

Как-то бабушка покормила голодного человека, хоть у них самих почти ничего не было есть. Люди говорили смотри, у него золотые зубы, а ты его кормишь бесплатно. А бабушка ответила: если сегодня отдаст зубы, то завтра ему нечем будет кушать, и не на что. Надо помогать друг другу, по силе и возможности, ведь мы евреи.

Евреи в гетто не только выживали, но и как могли боролись. Я знаю, что в подвале нашего дома муж моей тётки Ушер Гиссерман с помощником тайно выделывал кожу на сапоги партизанам, а на кухне у нас были замаскированы мешки с мукой для отправки партизанам в лес.

Правда, после войны, его по доносу, как врага народа арестовали и он находился под следствием в г. Винница, но, к счастью его оправдали так как бывшие партизаны подтвердили, что он помогал им.

В гетто мы прожили до освобождения Советской Армией. Так как в нашем доме жить из-за ветхости стало нельзя, мы в 1946 году переехали в г.Ташкент.

Там мы узнали о судьбе наших родных. Мой отец – Давид Пекер в 1941году был мобилизован в армию, и во время войны пропал без вести. Два его брата - Берке и Бейбе, а также маминых два племянника - Плазман Абраша и Плазман Юзя также погибли на фронте.

Два маминых брата Симха и Иеселе вернулись с фронта инвалидами. Сын маминой сестры Аккерман Менаше тоже

вернулся с фронта тяжело больным, но сумел уехать в Израиль.

После войны я закончила десятилетку. Училась на курсах бухгалтеров, затем закончила техникум коммунального хозяйства, работала инженером в строительной организации.

В 1991 году мы с мужем приехали в Израиль и счастливы, что те страшные годы, проведённые в гетто, остались только в воспоминаниях.

Лейбман Яков. Медицинские опыты отняли у меня здоровье.

Я, Лейбман Яков Абрамович, родился в м.Чечельник Винницкой области, Украина. Во время войны, с конца июня 1941 г. до освобождения от немецких фашистов - 12 марта 1944 г., находился в гетто Чечельник вместе с мамой Рахель и младшим братом Фимой.

Мой отец Лейбман Аврум, был призван в Армию 10 мая 1941 г., с войны не вернулся, пропал без вести.

В 1941 году мне было 7 лет, но в моей памяти сохранилось очень много страшного из того, что творили местные полицаи и фашисты, а затем и румыны. Они грабили евреев, указывали немцам где живут девушки, а немцы их насиловали, а затем убивали. Постоянные набеги фашистов приводили к расстрелам, избиениям, людей вешали. На моих глазах одного старика убили: головой били о железный забор, затем добили палками, а дочь соседей повесили. Вот так немецкие солдаты развлекались.

Над детьми проводили медицинские опыты. Они кололи нам уколы. Из-за этого в страшных мучениях умер мой младший брат Фима Лейбман - у него вытекали глаза. И

я всю жизнь мучаюсь из-за этих экспериментов, которые с детства отняли у меня здоровье.

Что спасло нас в те страшные дни? Это наша мать. В гетто была создана артель, куда собрали всех ремесленников: портных, сапожников, скорняков и т.д. Наша мама Рахель там работала уборщицей. В любую погоду - в лютый мороз и в жару она таскала вёдрами воду из колодца и мыла полы. Ей за это давали какую-то еду, и она кормила нас с братом. А сама себе во всём отказывала.

После войны я закончил семилетнюю школу, потом курсы и работал в типографии наборщиком, печатником. Служил в Советской Армии.

Но, годы, проведенные в гетто отняли у меня здоровье. Болезненное состояние длится у меня всю жизнь.

В последние годы мы жили в Ташкенте, но когда произошла, так называемая «перестройка» начались антисемитские волнения. Были и случаи нападения на евреев. Мы решили уехать в Израиль. Первой, в 1990 году уехала дочь с мужем и ребёнком. Я с женой и наш сын с семьёй смогли уехать лишь в 1991 году, так как в то время я тяжело болел.

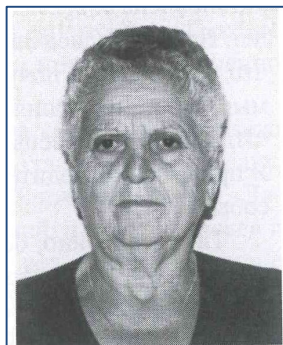
Мне запомнился яркий солнечный день - 25 июня 1991 года, когда наш самолёт приземлился в аэропорту Бен Гурион. Я почувствовал облегчение и радость - моя родная земля. Вскоре меня госпитализировали в больницу г.Нагария. Только благодаря израильской медицине и высококвалифицированным врачам значительно улучшилось моё здоровье и я радуюсь нашей жизнью. Вместе с женой Анютой мы живём в хорошей 3-х комнатной квартире в г.Кармиэль. У нас сын Аркадий, дочь Диана и 5 внуков: Боря и Сигали у сына, Эдик, Юлия и Элиан у дочери.

**Майданик Дина и Фельдман Хана. О трёх девочках,
выживших в Шоа.**

Жизнь до войны.

Мой отец
Исраэль (Сруль)
Юркович и моя
мать Ривка были
одногодками,
родились в 1894

году.

В бессарабском городке Атаки отец торговал зерном и мехом, а также владел небольшим продовольственным - хозяйственным магазином. Моя мама работала дома: в хозяйстве имелись куры, свиньи, корова, огород, сад. Нас, детей, у папы и мамы было трое, и только девочки: я, Дина, родилась первой - 25 октября 1927 года, сестра Хана - в 1929 году, а младшая сестричка Дора появилась на свет в 1930 году.

Папино семейство Юркович из Атак было ветвистым - 6 братьев и 2 сестры: Нафтула, Пинхас, Лейб, Шмуэль, Сруль (наш папа), Барух, Двора, Рахель. Их отца (моего дедушку) звали Аврум, а мать (мою бабушку) - Гитл.

В 1931 году наша семья Юркович переехала жить в село Арионешты (ныне Дондюшанского р-на Молдовы), расположенное на холме в 3-5 километрах от реки Днестр. Дорога к реке шла через довольно густой лес. От ближайшего городка Атаки нас отделяло 8 километров. До июня 1940 года Бессарабия являлась румынской территорией. Село было большое — около 3000 дворов, и крестьяне были довольно богаты. В Арионештах издавна жили 10 еврейских семей, между собой очень дружных. Синагоги не было, но приглашали несколько раз в год раввина и хазана из Атак, и служба шла в еврейских домах. У евреев-жителей села за много лет сложились неплохие отношения с соседями-

молдаванами. Были, конечно, отдельные осложнения, когда в 1938-39 гг. действовали румынские фашистские организации: кузисты и легионеры, но евреи в сёлах и маленьких местечках почти не придавали им значения. Жизнь шла своим чередом.

Перед войной.

С 28 июня 1940 года до начала войны, т. е. на один год, в Бессарабии была установлена советская власть. В июне 1940 года мне исполнилось 12 с половиной лет.

Продолжались школьные летние каникулы, стояло очень жаркое лето. Помню, что в этот день я почувствовала необыкновенное волнение людей: все шли угрюмые, тихие и непонятно куда спешили. Кто-то из моих ровесников сказал мне: «Идём домой, красные вошли, жандармерия погрузилась и уходит в Румынию». Я прибежала к родителям, рассказала новость, и мы стали ждать, как развернутся события.

Тихо, спокойно, без кровопролития село стало жить новой жизнью, довольно неприятной, даже страшной. Новая власть начала преследование богатых, собственников, интеллигенции, которое оканчивалось выселением в Сибирь. Папа предусмотрительно закрыл магазин, лавку, склады. 1 сентября 1940 года я пошла учиться в 5 класс русско-молдавской школы, окончив перед этим 4 класса румынской школы. От отца я знала немного русский язык, и это облегчало учёбу. Были ученицами и сестрички. Проучились год, а потом началась война.

Начало войны и оккупация села.

Мне навсегда запомнился красивый и жаркий день 22 июня 1941 года, когда стало известно о нападении Гитлера на Советский Союз. Село Арионешты, безусловно, воспрянуло духом в ожидании лучших времён, ждало, когда «придут наши». Мы, евреи, не боялись своих односельчан и не верили в то, что тогдашняя пресса писала о фашизме. Я помню, что однажды увидела в газете снимки о происходящем в Польше. Мой папа о них выразился так: «Это далеко от нас. Мы ведь будем снова с румынами, а румыны не будут нас бить». Но, к

сожалению, события разворачивались с молниеносной быстротой.

Я помню, что на второе утро после начала войны к нам домой пришла русская женщина Ирина Андреевна, которая работала воспитательницей в моей школе и служила офицером в Красной армии. Она умоляла нас, чтобы мы немедленно покинули село. Мои родители медлили, не спешили, так поступили не только они. Ни одна из десяти еврейских семей не согласилась эвакуироваться, уходить с Советами. Помню, что мой папа Сруль ответил ей: «Если нам придется умереть, то только не на дороге. Мы умрём в своем доме, если такова наша судьба. Я не могу покинуть своих братьев и сестёр, живущих в Атаках». Через несколько дней с большим трудом приехали к нам в село папина старшая сестра Рахель (Рухл) Юркович и её подруга с ребёнком. Вторая сестра и братья должны были приехать к вечеру на своих подводах, но они не прибыли, потому что не смогли выбраться из Атак.

Через день-два по селу пронеслась весть, что город Бельцы горит и немцы вместе с румынами движутся в нашем направлении. Спустя несколько дней мы увидели из села, что городок Атаки пылает огнем и мост через реку Днестр взорван. Мои родители страшно заволновались. Наши соседи-молдаване уже знали, что с приходом немцев начнется убийство евреев, и по секрету от нас обсуждали это. У папы и мамы было очень много друзей среди молдаван. Эти друзья пришли к отцу и сказали: «Сруль, ты и твоя семья будьте спокойны, мы в селе не дадим вас убить. Но твою сестру и эту женщину с ребёнком надо немедленно спрятать, они очень похожи на евреек». Мой отец, чтобы земля была ему пухом, далеко не глупый человек, понял, что может случиться, и подготовил место, где временно спрятал сестру с подругой и ребёнком.

Долго ждать не пришлось. Наш дом был расположен на краю села, недалеко от центрального шоссе, которое связывало город Сороки с Атаками. Играя в саду, мы, дети, слышали гул танков и топот лошадей - это приближались

немцы. Летом 1941 года урожай пшеницы и ржи был сказочно большой, а стена колосьев в поле достигала человеческого роста. Помню, что вместе с сельскими детьми я с сестрами Ханой и Дорой залезли на высокое дерево и оттуда увидели батальоны кавалерии. Перед ними шагали нацистские шеренги с огнемётами и сжигали поля. Тогда мы поняли, что они убивают огнём советских солдат, которым удалось убежать и спрятаться в полях. Ужасное зрелище!

Вдруг мы услышали громкий крик мамы. Мы испугались и побежали к дому. Когда приблизились, увидели папу и маму, тётю Рухл и нашу гостью с четырёхлетней дочкой Этелэ стоящими в ряд перед домом, и румынский офицер с солдатом, усталые, раздражённые и грязные, целятся в них из оружия и готовы застрелить их. Не знаю, откуда сила, и как это случилось, и откуда взялась храбрость, но я прыгнула на офицера сзади и обняла его, и начала плакать и умолять. Мои сестры тут же прыгнули на солдата, в один миг вся семья была на коленях и с опущенными головами. И представьте, офицер опустил оружие и устало присел на камень. Семья была спасена. Папа взял себя в руки, пригласил офицера в дом, открыл все шкафы и сказал ему: «Берите всё, что вы хотите». Офицер взял две пары сапог для себя и солдата и переоделся в чистое бельё. Он не тронул больше ничего. Уходя, предупредил: «Знайте, что за нами идут эсэсовцы, и они убивают всех евреев. Постарайтесь убежать в первые дни, пока не кончатся акции». Мы еще не знали, что такое акция.

В Арионештах хозяйничали одновременно и румыны, и немцы. Немецкий полевой госпиталь разместился в усадьбе у богача Кулика напротив нашего дома. Солдаты вермахта принялись искать по селу продукты: бегали за птицей, стреляли в свиней, овец. Мои родители не знали, конечно, что произойдет дальше с евреями, и поэтому мы вели себя так же, как все жители села. Мы, дети, подглядывали за немцами из-за угла дома или уходили подальше в глубь сада.

Через день к нам пришел пожилой господин Кулик с немецким армейским офицером-начальником госпиталя и

двумя солдатами. Кулик решил, что отец сможет понять немецкий язык по сходству с идишем. Офицер интересовался, что происходило на противоположном берегу Днестра за время советской власти. Пока папа пытался что-то ему пояснить, один из пришедших солдат, уже в годах, обратил внимание на нас, трёх сестричек, сидевших в комнате. Он достал из кармана три плитки шоколада, подарил нам, обнял нас троих обеими руками и сказал, что у него дома остались три такие же дочки. Затем обратился к папе: «Герр (господин) Сруль, соберите свою семью и как можно скорее спрячьтесь. За нами идут СС, вас могут убить, потому что вы евреи». Офицер и солдаты ушли.

Мои родители крайне перепугались и поняли, что выхода нет - надо бежать из села. Мама не растерялась и тут же обратилась к нашим соседям-молдаванам, которые были одновременно и хорошими друзьями. Они скрытно вывели нас за пределы села в наше пшеничное поле, где мы прятались в высокой пшенице трое суток. Мы ничего не успели взять с собой и вынуждены были вернуться в село. В первые три-четыре дня оккупации Арионешт захватчики расстреляли много евреев. Наша семья уцелела просто чудом. Депортация в Транснистрию.

Во время нашего отсутствия в селе установилась румынская власть с жандармерией, которую возглавлял тот же начальник, что и до июня 1940 года. Он приказал собрать всех оставшихся в живых евреев, и нас насильно выслали в соседнее село Сударка. С этого села начались наши мучения, голод, страх, скитания. В Сударке в этот суровый день были собраны 22 еврейских семейства. Здесь мы встретились с евреями из Атак. От них мы узнали, что в Атаках было убийство евреев, но о судьбах Юрковичей ничего не услышали.

В Сударке от женщин и детей отделили мужчин, в том числе оторвали от нас и моего отца, и отправили их в какой-то лес, чтобы расстрелять. Расставание было жутким: слышались крики и стоны, всё происходило под ударами оружейных прикладов и нагаек. А нас отправили в уездный

город Сороки, где мы ютились десять дней в синагогах на берегу Днестра. Кроме нас, в Сороки пригнали очень много евреев из Бельц, Флорешт, Теленешт, Згурицы, других мест, не считая сорокских евреев. У нас был с собой мешок хлеба, его хватило на несколько дней, потому что мы делились с другими. В один из дней немцы приказали поставить большой длинный стол, и каждый еврей должен был выложить на него все свои ценности. Когда тысячи людей прошли возле этого стола, на нём остались лежать груды золота. В Сороках стоял немецкий гарнизон, и для его обслуживания брали евреев из синагог: мыть, убирать, стирать, варить. Маму взяли кухаркой, и в конце дня ей разрешали уносить отходы еды в двух вёдрах. Одно ведро она всегда отдавала в малую синагогу, где поместили стариков, а второе - приносила к нам в большую синагогу, и люди делили еду на всех. Однажды ночью мы услышали, что в темноте кто-то ходит. Мы знали, что немцы по ночам искали девушек, чтобы изнасиловать.

На этот раз один из них искал маму, она была красивой. Мы вчетвером спали под буркой - длинной войлочной тёплой одеждой. Я быстро разбудила маму, мы положили её на пол, на неё постелили широкую бурку, а мы, три девочки, легли на эту бурку и притворились спящими. Маму искали, но не нашли. Мы были маленькими, но уже тогда стали понимать эти вещи. В Сороках нас продержали 10 дней.

Оттуда нашу колонну повели через с. Александру-чел-Бун в направлении Вертюжан. Это было настоящее хождение по мукам. Нас под конвоем гнали днём и ночью по Бессарабии. Люди, как мухи, падали от жары, жажды, голода. Пришли в Вертюжаны - небольшой городок на берегу Днестра, он был пуст. Говорили, что местные евреи успели эвакуироваться с советскими войсками.

В Вертюжанский лагерь смерти оккупанты пригнали 30 тысяч людей, поместив их за колючей проволокой на очень маленькой площади. Здесь не убивали из оружия, но множество евреев ежедневно умирало от голода и дизентерии. Нас пытались превратить в животных, загнали в

маленькие дома по 12-15 человек в каждой комнате. Люди лежали на полу плотно один к другому. Спали рядом с трупами умерших. В Вертюжанах мы пробыли шесть недель.

И здесь, среди стольких смертей, нас посетила радость: папа жив. Мы уже потеряли надежду увидеть его, но однажды утром с последней, очень малочисленной колонной мужчин пригнали моего отца. Вечером он нашёл нас. Мы с трудом узнали папу - грязный, съедаемый вшами, распухший от голода. Он рассказал нам, что они выкопали большую могилу, но за несколько минут до расстрела прискакал на лошади офицер и еще издали начал кричать: «Не убивать жидов!» Это спасение произошло, видимо, по следам речи Молотова по радио, в которой он призвал румынского фюрера Антонеску не идти по пути нацистов. Наша семья соединилась. Теперь мы начали бороться, чтобы выжить. Еды не было, и папа, немного окрепнув, перелез через забор и бежал в село просить хлеба, немного зёрен пшеницы, и мы это ели.

Слово «Вертюжаны» на всю жизнь превратилось для моей семьи в страшное напоминание о погибших в годы Шоа наших родных, близких, друзей, земляков.

В течение дня дети находились на улицах, и все мы искали родственников, идя от дома к дому. Случайно в одном из домов я нашла наших ближайших соседей в Атаках Фроймчук: родителей - Моисея (55 лет) и Клару (45 лет), их сына Изю (1920) и дочь, мою подружку Зину (1922), старше меня на 3-4 года. Моисей - глава очень интеллигентной семьи - владел большой аптекой и был самым известным аптекарем в Атаках. Все они умерли в Вертюжанах. Смерть старшего сына Изи была ужасной - румынский офицер бросил в него большой камень, когда подросток хотел забраться в свинарник, чтобы поест со свиньями их корм. Камень ранил ногу, за 3-4 дня у Изи произошло заражение крови, и он умер.

В другом доме мы нашли Пинхаса-Меира Юрковича - старшего папиного брата с женой и двумя дочерьми. Их сын не был с ними, и сегодня он живет с семьёй в Минске. Дядя

Пинхас скончался в Вертюжанах в сентябре 1941 года, и мой отец своими руками похоронил его.

В Вертюжанском лагере в ноябре 1941 года умерли с голоду моя атакская подруга Шпринцаг Пуся, моя ровесница, и её мама Ита (девичья фамилия Шафранецкая), лет сорока. Осенью 1941 года был расстрелян в одной из колонн наш атакский земляк и сосед Гиндис Яков (Яша), лет семнадцати.

Всех оставшихся в живых повели из Вертюжан под конвоем в Транснистрию. Мы вышли с последней колонной. Приблизились к переправе через Днестр. С ужасом вспоминаю, как обессиленные люди, переходившие страшный узкий понтонный мост, падали в реку, и никто их не спасал. От этих воспоминаний волосы дыбом поднимаются. До сегодняшнего дня не могу понять, как мы перешли глубокой ночью этот мост, ходивший под нами ходуном. Папа и мама (чтобы им земля была пухом), сдерживая свой страх в душе, держали нас, трёх испуганных девочек, не давали впасть в истерику, и к рассвету мы перешли мост.

Мы уже были на другом берегу, и до нас дошли слухи, что много людей из колонн, вышедших перед нами из Вертюжан, были зверски убиты по дороге на городок Окница. Я помню, когда мой отец узнал об этом ужасе, то страшно рыдал: в одной из колонн были его родные сёстры и брат. В октябре 1941 года колонну, в которой шли жена Пинхаса Ривка и обе дочери: Эстер, 15-ти лет, и Мотале, 18-ти лет, привели на берег Днестра, в каменный карьер, где производили известь, и в известковой печи всех заживо сожгли. В этой же колонне имели несчастье идти и принять страшную смерть две папины сестры: Рухл (1902), Двойра (1909) и его младший брат Бурах (1905) с их детьми.

Путь в гетто был очень трудным. У меня нет сил и здоровья описать ужасы этого пути. И в этот раз наша семья спаслась только чудом. Благодаря моей маме (да будет благословенна её память!) мы все дошли. Она несла нас по очереди на спине. В пути ели грибы, свёклу и картофель, которые местные украинцы готовили заранее - они знали, что

тут проходят колонны евреев, варили овощи и раскладывали их вдоль маршрута колонн. Помогали едой украинские партизаны и итальянские солдаты.

На украинском берегу Днестра мы оказались в Транснистрии. Помню, мы стояли в шеренгах, румыны нам выдали по четвертушке хлеба и горячий чай. Это просто продлило нам жизнь. Нам дали отдохнуть, пока сменились наши конвоиры, и колонна отправилась дальше. Стояла осень, начались заморозки, а тёплой одежды не было. Пожилые люди стали падать. Солдаты подбегали к ним, избивали нагайками, чтобы вставали, а кто не мог подняться, того расстреливали на месте. Для женщин с маленькими детьми подали подводы, якобы помочь им, и многие сели на них. Спустя несколько дней мы узнали, что их сбросили с обрыва в лесу и всех убили. Я помню, рядом с нами шла молодая женщина Маня с маленькой девочкой Эталэ. Они сели на одну из этих подвод, и мы их больше не видели.

Нашу колонну гнали по Транснистрии много дней. Пока было светло, мы шли, а ночью нам разрешали отдохнуть. Иногда сопровождающие солдаты позволяли разжечь костры. Родители шли в поле в поисках чего-то съедобного, и мы ели сырой картофель, сахарную свёклу. Хорошо, что за выход в поле не ловили и не избивали. Днём, помню, мы находили по дороге тёплую варёную картошку - это была помощь хороших людей-украинцев. Их к колоннам евреев не подпускали. По дороге навстречу нам ехали итальянские войска. Они бросали нам галеты, банки с сардинами, это была большая помощь.

В один из вечеров мы подошли к очень крупному совхозу вблизи Ободовки. Нам приказали зайти в какие-то длинные помещения и лечь спать. Мы легли на солому, но отдохнуть не удалось. В соломе было невероятное количество крупных вшей, белых, как черви, с чёрными полосками на спине. Это было что-то ужасное. Мама не растерялась и быстро вытащила нас на улицу. Стражи не было, и мы просидели у входа до рассвета. Мама нас раздела и почистила от вшей керосином и травой полынью, которые

она носила на такой случай для трёх девочек. Наутро пришли солдаты, и началась «селекция». Нам объявили, что мы идём в гетто: одна группа пойдёт в гетто в Чечельнике, а вторая - в гетто в Бершади. Папа сумел узнать у одного из румын, что Чечельник - это маленькое местечко, где живут местные евреи, и решил с мамой любой ценой попасть именно туда. Румыны сами с помощью избиений и нагаек делили людей на две группы: переднюю - в Чечельник и заднюю - в Бершадь. Мои родители крепко взялись за руки, а нас, прижавшихся одна к другой, поставили перед собой. Мама сказала, что сейчас нужно быстро бежать вперёд. Мы впятером побежали, как один. Нас и родителей били нагайками, взрослым доставалось по голове, но мама кричала: «Бегите, бегите, не останавливайтесь». Мы вбежали в переднюю группу, тут нас уже никто не бил и не гонял. Румыны сказали нам: «Спросите по дороге, где Чечельник», и группа в 170-180 человек пошла в село Чечельник без конвоя. Впереди шёл человек, который привёл нас к вечеру в центр Чечельника.

В гетто в с. Чечельник.

Была морозная октябрьская погода. В маленьком парке на голых скамьях мы переночевали. Проснулись и увидели, что папа и мама всю ночь сидели возле нас и, прижавшись к нам, грели своих трёх девочек, чтобы мы не замёрзли, а у папы у самого уже была температура, он болел.

Жители Чечельника увидели много прибывших еврейских семей, и к нам в парк пришёл староста гетто с несколькими людьми. Говорили о размещении по комнатам для жилья. К нам подошла высокая женщина и сказала моим родителям: «Меня зовут Шифра Шафер. Я жена лётчика, мой муж погиб в первый день войны. Идёмте ко мне». Но мои родители решили остаться вместе со своими близкими или знакомыми, и мы с ними попали в комнату, где люди лежали на полу, как селёдки в бочке.

На следующее утро мама заболела тифом. У неё была высокая температура, она бредила, срывала с себя одежду. Мне с папой сказали, где есть врач. Мы позвали его. Пришёл в военной форме доктор Попеску из румынского госпиталя.

Не знаю, как и каким образом, но он принёс лекарство и спас маму. Его сам Бог послал. Он приходил не только к маме, всем, кому он мог помочь, он помог в гетто. Спустя некоторое время мы перешли жить к тёте Шифре и оставались у неё до 22 апреля 1944 года.

Кто ещё помнит, зима 1941-42 годов была очень тяжёлая, с большими снегами. Люди в гетто ходили голодные, голые, босые, умирали десятками в день. Мы насчитали в один из дней, что вынесли 24 умерших. Их уносили четыре человека на носилках, по одному телу каждый раз. Живые стягивали с мёртвых тряпки и надевали на себя, чтобы спастись. Есть было нечего, ходили по крестьянским дворам просить кусочек хлеба. Зимой мои младшие сестрёнки Хана и Дора от недоедания не могли ходить, не стояли на ногах. Папа, опухший от голода, лежал на нарах. Слава Богу, мама с помощью доктора Попеску и местного доктора Маламуда начала выздоравливать. Она была очень волевой женщиной.

Было очень холодно, и надо было топить печь, но где взять дрова? Гетто окружено проволокой. Оставшиеся в живых люди выходили ночью и изнутри разрушали пустые дома. От нас выходила на улицу я, мне помогали мужчины дотащить какие-то палки, дощечки до дому, мы передавали дрова через окно маме и так начали греться в комнате. Помню, я сидела и топила печку, и ко мне пришли греться мышки, я их не боялась. Добывать еду я ходила в окрестные сёла, подлезая под проволочные заграждения гетто и так же возвращаясь. Обуви не было, мои ноги были обмотаны тряпками. Попрошайничала по дворам, складывала в мешочек. Помню, что много раз меня гоняли украинские полицаи, избивали нагайками, но как-то я упрашивала их, и меня отпускали, не сдавая в руки палачей.

Уже в первую зиму в гетто в Чечельнике был назначен еврейский комитет. Всех, кто остался жив после этой суровой зимы, взяли на учёт и стали посылать на принудительные работы: в помещения жандармерии, в румынские воинские части, расположенные в районе гетто. Все стремились

попасть в часть, потому что там кормили и давали домой остатки с кухни. Комитет тоже начал распределять какие-то мизерные пайки.

К весне отец выздоровел, и его отправили в группе из 15 человек с молодыми парнями 16-18 лет в Николаевскую область на работу в каменных карьерах у немцев. Это была верная смерть. У моих родителей после всех грабежей и обысков сохранились пять золотых пятирублёвых монет, лежавших в особом кармашке. Папа взял их с собой, авось удастся откупиться. А «работа» заключалась в том, что молодые парни и мужчины в карьере вручную поодиночке втаскивали каменную глыбу на гору, а с горы она скатывалась на другую сторону сама. Затем этим же людям приказывали тот же огромный камень опять втащить наверх и скатить по склону. Эта бессмысленная работа в течение дня быстро убивала. 14 еврейских юношей, с которыми отец прибыл в лагерь, после первого дня не могли подняться, и все были повешены в присутствии отца и остальных узников. И счастливая звезда помогла отцу. В лагере он познакомился с евреем из Черновиц, переводчиком у немцев. Передал ему просьбу о спасении и подкрепил её золотом. Через несколько недель состоялась врачебная комиссия, и папа вернулся обратно в Чечельник. Переводчик предупредил папу, чтобы за пределами лагеря он сразу уничтожил справку об освобождении по болезни, потому что она фальшивая. Это было невероятное чудо: отец прошёл примерно 300 километров по оккупированной территории до Чечельника.

Летом 1942 года меня с сестрами Ханой и Дорой направили на сахарный завод в Чечельнике, где мы работали каждый день в любую погоду. Это был тяжкий труд далеко в поле: мы чистили сахарную свёклу и отправляли её по водным каналам на завод, вырывали сорняки и т. д. Нас было 10 девочек и 10 мальчиков. Туда и обратно в гетто нас отвозили на подводах. За работу нам платили полмарки в день и выдавали полбуханки хлеба. Кроме того, возили нас на упаковку сена для германского фронта. Папа и мама ходили на работу к украинцам обрабатывать огороды,

смотреть за скотом, за хозяйством.

В Чечельнике мы пробыли до освобождения. К нашему счастью, мы находились в Транснистрии под властью румын и благодаря этому остались живы.

Освобождение.

Весной 1944 года в Чечельник вошли советские войска и освободили нас. Мы радовались и плакали. 22-24 апреля 1944 года вслед за фронтом мы отправились домой в Бессарабию, в наше село Арионешты, где жили до начала войны. Нам навстречу вели огромные колонны сдавшихся в плен немцев. Солдаты нам помогали, подвозили, подкармливали нас. Мы останавливались в сельских хатах, и нас кормили, поили местные жители. Наша семья голой и босой вернулась домой в Арионешты. Конечно, ничего из имущества мы не нашли — всё разграблено. Мать и отец были больны, мы, три сестры, остались без детства и по сей день болеем разными болезнями.

Наш еврейский городок Атаки был полностью разрушен, вернулись в него считанные семьи. При встречах каждый рассказывал о пережитых ужасах. Люди узнавали о братских могилах, где похоронены родные и близкие. Средний папин брат Шмуэль Юркович (1902) и его жена Геня (1906) были депортированы из Атак в село Звезденювка близ Мурафы на Украине. В 1942 году нацисты убили в нём 500 евреев и среди них Шмуэля с женой.

У старшего папиного брата Нафтулы Юрковича, жившего до войны в Черновицах, погибли от голода в 1941 году в Могилёв-Подольском гетто жена Бобця (девичья фамилия Коган) и дочь Молка (1920).

Послевоенная жизнь.

Сестра Дора пошла в 1944 году в первый класс. Она вышла замуж после нашего переезда в Черновцы.

Я окончила школу, в 1947 году вышла замуж за Михаила Майданика и жила с семьёй в гор.Черновцы. Муж во время войны находился в эвакуации на Урале. Свадьбу устроили с хупой в еврейской синагоге. А за две недели до родов мы должны были расписаться в ЗАГСе, чтобы

получить потом свидетельство о рождении. У нас родились сын Авраам (Авик) в 1948 г. и дочь Геня.

Я работала 10 лет бригадиром на Черновицкой фабрике головных уборов. Миша работал на большом текстильном комбинате в Черновцах. Сын в 25 лет окончил Павлодарский университет. Отец Сруль Юркович умер в Черновцах в 1970 году.

Репатриация и жизнь в Израиле.

Мы репатриировались в Израиль через Австрию в 1973 году после войны Судного дня. Я приехала в Израиль с мужем, дочкой, сыном и с двумя мамами: моей и мужа. Сестра Хана (в замужестве Фельдман) с мужем и дочкой приехала в Израиль раньше нас на 9 месяцев и жила в гор. Мигдаль ха-Эмек. Сегодня живёт в гор. Реховоте. Распределяли нас в те годы по городам так, как желали руководители приёма репатриантов. Целые сутки мы сидели в аэропорту, и я просила направить нас только в Реховот. Я с семьёй и наша мама поселились в гор. Реховоте. Мама Ривка ушла из жизни в 1986 году. Миша умер в 1988 году.

Младшая сестра Дора (в замужестве Дезицер) с семьёй жила в гор. Мигдаль ха-Эмек. Её муж в годы Шоа находился в Бершадском гетто. Они оба умерли от болезней. В Мигдаль ха-Эмеке сейчас живет их сын с двумя детьми.

Первые три года в стране я мыла полы. Благодаря отцу я знала иврит, владела идишем, румынским, русским языками и проработала 16 лет в Армии обороны Израйля секретарём. Сестра Хана работала в армии вместе со мной. Моя дочка Геня служила в израильской армии в лётных частях авиадиспетчером. Сын Авраама, мой внук, тоже прошёл эту очень напряжённую и ответственную службу, теперь он студент сельскохозяйственного факультета университета. Всего у меня пять внуков и три правнука.

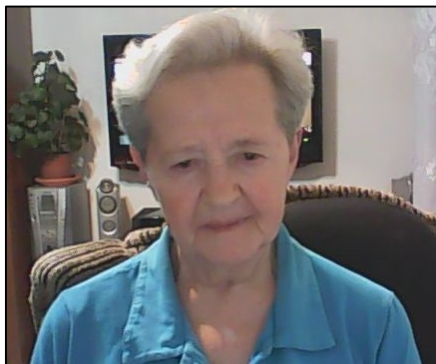
Вышла на пенсию в 1991 году. В октябре 2012 года я отметила свой 85-летний юбилей. Являюсь добровольцем Института национального страхования - помощником пожилых людей. Состою во Всеизраильском объединении выходцев из гор. Атаки, участвую во всех мероприятиях,

встречах с земляками в общинном доме в Тель-Авиве. Написала свои воспоминания о Шоа на иврите, они напечатаны в книге «Памяти города Атаки». На старом кладбище в гор. Холоне на общинном памятнике жертвам Шоа из Атак и их окрестностей в первом столбце справа есть имена погибших из нашего рода Юркович, собранные и переданные мной и двоюродной сестрой Эстер. Ежегодно в Йом ха-Шоа (День Катастрофы и Героизма европейского еврейства) мы собираемся у этого памятника на поминальную молитву.

Описанное мной - лишь малая капля в море бед, малая доля из безмерного горя, выпавшего еврейскому народу во Второй мировой войне. Страдания каждого из нас в Катастрофе трудно передать словами. Поэтому я очень довольна, что поколение гетто и концлагерей решило написать о пережитом книгу. У каждого из нашей Реховотской организации бывших узников нацизма появилась возможность вспомнить и увековечить в книге людей, которые погибли: родных, друзей. Но, конечно, неизвестны по сегодняшний день места захоронения многих из погибших в годы Холокоста. Истощенные люди падали на дорогах во время бесчеловечной депортации, их пристреливали и оставляли трупы валяться. Важно их имена назвать и напечатать, заполнить на них «Листы свидетельских показаний» для Зала имён в музее «Яд Вашем». До сегодняшнего дня я передала в «Яд Вашем» 16 «Листов» на погибших в Шоа родных и близких, друзей, земляков (да будет благословенна память о них!).

Молодому поколению скажу: дети наши, внуки и правнуки, читайте такие книги! В них найдёте правду, и только правду. Не прекращайте борьбу ради жизни, ради еврейства и во имя нашего государства.

«Помни. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей». Реховот 2013. С.509-519.

Найштут Серафима (Ангерт Сарра) . *«В гетто фашисты издевались над евреями и тем самым развлекались».*

Я, Найштут Серафима (Сарра Ангерт) родилась в местечке Чечельник

Винницкой области, Украина в 1936 году. Моя семья: отец - Ангерт Иосиф (1888 г.р.), мать - Ангерт Бася (1888 г.р.), старший брат - Меер (1921 г.р.), старшая сестра - Женя (1925 г.р.).

В 1941 году, когда началась война, отца на фронт не взяли по состоянию здоровья.

Немецкие войска наступали. Во время бомбёжки люди прятались кто где может. Наша семья спряталась в глубоком рву. Было очень страшно. Но вдруг мама Бася начала громко хохотать - это был истерическая реакция страха смерти и ужаса творившегося вокруг нас. Мама потеряла контроль над собой, над возникшими эмоциями и не могла остановить свою неадекватную реакцию. Её с трудом успокоили. Просидели там долго, когда стало тише, люди стали возвращаться в свои дома.

Мы эвакуироваться не успели и немецкая армия захватила наше местечко Чечельник. Вскоре всех евреев загнали на одну улицу и наша семья перешла к бабушке, где было гетто. Бабушка, Фрейда Куперман жила в доме с дочкой - Фейгой Друбецкой и её двумя детьми, туда так же вселились наши соседи Шифра Гойхенберг с двумя детьми - Сёмой и Идой, а так же Лейка Лейзерович с дочкой Валеи и сыном.

Беженцы из Польши также поселились в этом маленьком доме, где было две комнатки и кухня. Скученность была большая, лежали друг около друга на полу без постелей, было очень холодно, нечем было отапливать, не

было чем мыться, была вшивость, болели тифом, заражали друг друга, люди умирали, но я не помню их имён. Моя бабушка тяжело болела и вскоре после войны умерла.

Моя старшая сестра Женя постоянно пряталась в погребке, так как фашисты насиловали девушек и издевались над ними, затем их расстреливали. Из-за постоянных переживаний после войны она тяжело болела сердцем.

В гетто фашисты издевались над евреями и тем самым развлекались. Помню такой случай. Как-то бабушка Фрейда решила освежить кухню. Она сделала раствор из белой глины в миске. Встала на стол и начала белить потолок. Вошли два немецких офицера. Они сняли бабушку со стола и поставили её рядом со столом и облили белой глиной с головы до ног. При этом радовались и смеялись и говорили, что сделали из еврейки статую.

Был с нами страшный случай. Фашисты и украинские полицаи нас и многих евреев загнали в один дом, облили дом керосином. Люди внутри плакали, прощались друг с другом. Но произошло чудо! Подросли партизаны в немецкой форме и спасли нас. Я знаю, что партизаном был наш земляк Янкель Клейнштейн.

Хочу рассказать о своих родственниках. Мой старший брат Меер Ангерт до войны работал учителем математики и физики в селе Вербка Чечельницкого района, затем служил в рядах Красной Армии офицером. В 1940 г. должен был демобилизоваться, но его не отпустили и он продолжал службу на фронте. В последнем письме с фронта он писал: «Иду защищать Родину и если я погибну, то за сохранение жизни моих родителей и сестер». Он пропал без вести. Может поэтому бог нас и сохранил?!

В местечке Чечельник на братской могиле есть обелиск погибших на фронте. На обелиске написана его фамилия - Ангерт Меер Иосифович.

Моя мама до конца своей жизни ждала возвращение сына Меера и всегда на день Победы горько плакала, не верила что он погиб. Вероятно что ожидание сына сохраняло ей жизнь.

Мой отец Иосиф был человек религиозный, верующий и постоянно молился. Он горячо верил, что бог нам поможет. Может быть благодаря его молитвам мы и выжили.

По рассказам моего мужа Валерия, его отец Найштут Исруль Янкелевич работал в военкомате в м.Чечельник. Он успел эвакуировать свою семью в Узбекистан, а сам ушёл на фронт и погиб. Похоронен в г. Золотое Ростовской области. Там, на обелиске, установленном на братской могиле написана его фамилия - Найштут Исруль Янкелевич. Он писал письма с фронта, я их до сих пор сохраняю. Его фотография и рассказ о нём находится в книге «ПАМЯТЬ», изданной в Израиле.

Закончилась война. После окончания Чечельницкой семилетней школы я поехала учиться в Одесский пищевой техникум. Закончила учёбу в 1954 году. Была направлена на работу в м.Чечельник по месту жительства родителей, работала в пищевой промышленности. В 1960 году вышла замуж за Валерия Найштут, уехала по месту жительства мужа в г. Дзержинск Житомирской области. В 1973 году муж закончил Московский электротехнический техникум и был направлен на работу диспетчером секретной подстанции «Михайловка-800» г. Первомайск Луганской области. Там мы жили до отъезда в Израиль в 1999 году.

Жить в Израиле была мечтой моих родителей. И вот, благодаря молитвам моего отца Иосифа, мы здесь, в НАШЕЙ СТРАНЕ. Я живу с мужем Валерием, дочкой и внуком в г. Бней Айш. Мой внук Игорь назван в честь моего папы. После службы в Армии Обороны Израиля работает и учится. Я работаю волонтером в городской библиотеке. Рада, что приношу людям радость.

Пекер Доня. *Над нами ставили
«Медицинские опыты».*

Довоенная жизнь.

До войны наша дружная семья жила вшестером в большом собственном доме в местечке Чечельник Винницкой области - районном центре. Большинство жителей Чечельника были евреями. Отец Хаим Срулевич Фишер (1909)

работал портным, но затем перешёл на производство, где выпускали мороженое и прохладительные напитки. Из-за плохого зрения папу освободили от службы в армии. Мать Этя Зусевна (1912) вела домашнее хозяйство. Я, Доня (25 мая 1933), была старшим ребёнком в семье, затем родились брат Зузик (1937) и сестра Соня (1939). Мама заботилась о нас и вела хозяйство: занималась коровой, поросятами и курами. С нами жила папина мама, бабушка Гитл Княжевская. В семье говорили на идише, и все знали украинский язык. Я посещала еврейский детский сад и готовилась пойти в первый класс школы в сентябре 1941 года.

Начало войны и оккупация

В начале войны наша семья попыталась эвакуироваться. На телегу уложили необходимые вещи, родители посадили нас, троих детей и бабушку, и поехали к Бугу. Беженцев на дороге было множество, помню, за нами ехали наши соседи родственники, знакомые. Бежали из Чечельника только евреи. Мы проехали несколько километров и увидели немцев. Они вели себя как господа: хватали и насиловали девушек. Они нас вернули обратно, шли за нами по пятам. Мама вела меня за руку, малыши шли, держась за мамину юбку. Неожиданно к нам подошёл немец и заговорил, понятным было слово «шиссен», сходное с идишским «стрелять». Я прижалась к маме, а мама стала плакать, говорить ему на идише: «Дайте нам уйти». Он отстал.

В Чечельницком гетто.

Вернувшись в Чечельник, мы нашли свой дом разграбленным, всё из него унесли. В городке уже были немцы. «Новые хозяева» отобрали скот, птицу. Через неделю была организована полиция из местных украинцев, живших в селе возле Чечельника. Они рассказывали немцам, у кого из евреев что есть, показывали где это находится.

Нас всех выгнали на самую большую площадь и отделили мужчин от женщин с детьми. Мужчин сразу куда-то отправили, а остальным разрешили идти домой. Мы с мамой шли с площади, а ко мне подошёл немец и сунул дуло пистолета в рот. Все вокруг продолжали идти молча, боялись слово вымолвить. Мама упросила его на идише не трогать, пожалеть меня. Так над нами издевались, он вполне мог выстрелить. К вечеру наши мужчины вернулись. Оказалось, что они занимались разными работами по приказам немцев.

Через месяц немцы ушли, передав правление союзникам-румынам. Румыны устроили гетто в моём м. Чечельник, и тут же наша семья была изгнана из своего дома, потому что он находился за пределами гетто. В августе 1941 года в восьмилетнем возрасте я попала в гетто с мамой, папой, братом, сестрой и бабушкой. Гетто не было огорожено, но все знали, что под страхом смерти нельзя выходить на улицы, которые не относятся к гетто. Тех, кто самовольно или ошибочно нарушал границу, убивали.

Жили мы в другом доме, на другой улице. В этот сельский одноэтажный домик как и в другие на территории гетто, вселили так много людей, что ступить было некуда. В нашем домике в двух комнатах и маленькой кухне жили четыре семьи: в каждой, кроме родителей и их старых пап и мам, было по 3-4 ребёнка. Спали в тесноте все вместе на кроватях и на полу. Вдобавок в Чечельник пригнали много евреев из Румынии, Буковины. Их подселили в уже переполненные дома. Из-за страшной антисанитарии и скученности в домах начались болезни. Мы лежали все вместе: больные и здоровые. Среди румынских евреев были врачи, которые нам помогали. Однако не было медсестёр,

фельдшеров, лекарств. Лекарства можно было купить за большие деньги только у румын-оккупантов.

Люди страдали от огромного количества вшей, заражались друг от друга, болели сыпным и брюшным тифом. Многие умирали, особенно быстро погибали дети. Как только немного схлынула волна тифа, нам, детям, начали делать уколы в попу в ягодницу, под лопатку и давать таблетки. Делали уколы врачи из румынских евреев. Они не всегда были в халатах врачей. Нам говорили, что это нужно для профилактики, чтобы болезни не повторились. Каждому ребёнку досталось по несколько инъекций и пилюль. Их давали, приходя в каждый дом, или говорили, куда нам надо явиться. После этого врачи приходили и проверяли, каков результат укола. После такой «предохранительной» работы опять начались болезни, повысилась детская смертность. В декабре 1942 года я заразилась и тяжело переболела сыпным тифом с осложнениями. Как стало известно впоследствии, в гетто надо мной и другими детьми проводились многократно медицинские эксперименты. В дальнейшем голод и лишения, перенесённые в гетто, ухудшили моё состояние, и моему здоровью был нанесён непоправимый ущерб. С тех пор я болею диабетом, гипертонией, заболеванием ног в результате обморожения.

В гетто существовала еврейская община. Румыны были ужасными вымогателями, взяточниками. Общаться, договариваться с румынами помогали румынские евреи. Община собирала у чечельницких евреев те ценности, которые не отобрали немцы, и старалась задобрить румын, откупиться. Конечно, основная доля ценностей была у прибывших евреев.

Всех трудоспособных заставляли работать. Мой папа шил для румын, ремонтировал обмундирование. Он приносил домой кусочек хлеба за работу.

Наших молоденьких девушек мы прятали в подполе. Это был тайник в полу, покрытый ковриками, на нём сидели и играли дети. Мои двоюродные сёстры Соня Фишер, Поля Клецельман вообще не поднимались наверх, мы им спускали

в тайник еду. Прятали и еврейских ребят призывного возраста, потому что румыны по немецкому приказу отправляли парней в Николаевскую область на работы, и там они погибали.

У нас были украинцы - друзья, которые очень помогали нам выжить. С благодарностью все годы помню их имена: Иван и Христия Багрий, супруги с двумя детьми.

Они приближались к дому, где мы жили, и потихоньку подбрасывали к нашим дверям свёклу, картофель, морковь в мешочке. Мы видели в окно, когда они проходили, и подбирали дар. Их сын Александр и сегодня работает в Чечельнике врачом.

В гетто я подружилась с Лилей Торбиной. Лилю с мамой пригнали в Чечельник из какого-то города. Она была городской культурной девочкой, мы читали книжки на украинском языке, и Лиля умела всё объяснить. У Лилиной мамы сохранился старый фотоаппарат с «гармошкой», и она нас сфотографировала в 1943 году.

*Доня Фишер (слева) с братом Зузиком и сестрой Соней.
1948-1949 гг. Сталинабад*

Весной 1944 года мы уже слышали канонаду, к нам приближался фронт. После восстановления советской власти я училась в школе в Чечельнике.

Послевоенная жизнь.

В 1945 году наша семья переехала в г. Сталинабад (с 1961-Душанбе) Таджикской ССР к папиной родной сестре Малке. Там я окончила школу-семилетку и поступила в текстильный техникум.

По окончании техникума работала на шёлковом комбинате в течение 20 лет мастером смены на производстве шёлковой нити из коконов. Рабочий коллектив моей смены составлял 1000 рабочих, использовалось японское оборудование.

В 1956 году я вышла замуж за Наума Пекера (1932). Мы с моим будущим мужем в детстве вместе находились в одном гетто, дружили.

Во время одной из моих командировок встретились в гор. Ташкенте, где жил Наум, и поженились.

Муж переехал ко мне в Сталинабад.

У нас родились две дочки: Галина (1957) и Светлана (1961). Я перешла на работу в Душанбинский проектный институт начальником отдела выпуска проектов, где проработала до 1992 года. Папа Хаим ушёл из жизни в Душанбе.

Мы вынуждены были бежать из Душанбе, потому что там началась гражданская война. Всё горело, кровь лилась рекой.

В Израиле.

В феврале 1992 года я репатриировалась с мужем и младшей дочерью Светой с семьёй в Израиль. Живём уже 21 год в гор. Реховоте. Мы с мужем получали пособие на двоих 780 шекелей в месяц. Пришлось идти в работницы по уходу за пожилыми людьми. Работал и муж. Сегодня у меня 5 чудесных внуков.

Галя с семьёй приехала на полгода раньше нас. Мама и брат Зузик приехали в Израиль в 1991 году в гор. Бат-Ям. Мама Этя умерла через 4 года.

Годы Катастрофы отняли у меня детство, я не знала шумных детских игр и радостей, мы не учились, не развивались физически, на наших детских глазах убивали людей, в нас поселился страх смерти с 6-7 лет отроду. Меня мучают страшные воспоминания и многие заболевания - это

отклики Шоа, последствия пережитого в годы войны.

«Помни. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей». Реховот 2013. С.519- 523.

Пекер Наум. *Окупанты и полицаи постоянно грабили нас.*

Довоенная жизнь.

Я, Пекер Наум Давидович, родился 29 июня 1932 года в посёлке городского типа Чечельник Винницкой области. Отец Давид Евсеевич Пекер (1906) работал портным на дому. Чтобы получить это право, папа в летнее время трудился в колхозе на полевых работах. Отец зарабатывал трудовыми, и семье выделялся земельный участок, его засеивали пшеницей, кукурузой. Свой урожай мы возили на мельницу и этим жили.

Мама Эстер Пейсаховна, на два года моложе папы, была домохозяйкой. Моя младшая сестра Анюта родилась в 1938 году. Мы с сестрой были очень дружны, я её нянчил, опекал. В нашем собственном двухэтажном доме (первый этаж был нежилой) с нами жили родители матери: бабушка Хая (1872) и дедушка Пейсах Плацман (ум. в 1940), а также мамина сестра, тётя Ита (1912). В семье старшие её члены были религиозными людьми, и в доме соблюдались еврейские традиции. Дома разговаривали на идише.

Весной 1941 года я окончил первый класс украинской школы. Мы, дети, чувствовали приближение войны из разговоров взрослых, из сообщений по радио, в газетах о ходе начатой Гитлером в 1939 году новой мировой войны.

Начало войны и оккупация.

Для меня война началась с того, что отца Давида

призвали в действующую Красную Армию.

Помню, как мы провожали его на железнодорожный вокзал в Чечельнике, плакали. Это был последний раз, когда я видел папу. На момент оккупации в семье остались только женщины: бабушка, тётя и мама с нами, двумя детьми - девяти и трёх лет. Мы пытались убежать от немцев до их прихода. На подводу сели муж с женой, которым принадлежала лошадь с телегой, и мы втроём. В пути ночью в дорожной суматохе хозяин нашей подводы потерял общий обоз. Подвода с бабушкой и тётей Итой уехала в одном направлении, а наша двинулась по другой дороге. Нас с мамой и сестричкой отвезли за 300 километров от Чечельника, в Кировоград, и здесь высадили. Возле нас оказались ещё три чечельницкие семьи, и мы решили вместе поскорее выбираться из Кировограда, потому что там уже чувствовалось приближение немцев. Мы купили тележки, положили на них скудные пожитки и двинулись обратно. Мама тянула тележку, в которой на вещах сидела сестра, я помогал маме. Шли в основном ночью больше месяца по оккупированной немцами территории Кировоградской области. Полностью спрятаться в пути было невозможно, и во время одной из встреч с оккупантами была изнасилована на наших глазах женщина из семьи, шедшей с нами. Немцы обнаружили нас на ночлеге в лесу и просто утащили несчастную в кусты. Не всегда мы ночевали в лесу. В сёлах, возле которых заставали сумерки, часть жителей прогоняла нас, но были хаты, где маму с двумя детьми принимали, нас кормили, давали ночлег и ещё еду с собой.

В Чечельником гетто.

Когда мы вернулись в Чечельник, бабушка Хая и тётя Ита, к счастью, находились в нашем доме. В городке уже была установлена румынская оккупационная власть, работала комендатура, появились жандармы. С осени 1941 года по март 1944 года мы находились в гетто посёлка Чечельник. Оно располагалось на участке нескольких улиц, не огороженных забором или проволокой. Взрослые заключённые носили белые повязки узников гетто на руке

выше локтя. Было запрещено покидать гетто. Наш дом находился на территории гетто, и мы жили в нём. Из пригнанных в Чечельник румынских и бессарабских евреев в нашем доме, кроме нас, жили три семьи и наши родственники, выселенные из дома, не вошедшего в гетто. Вместе нас было человек двадцать.

Разумеется, такое скопление людей не обошли болезни, которые вспыхивали в гетто. В январе 1942 года я заразился и тяжело переболел сыпным тифом с осложнениями. Что мы ни делали, невозможно было избавиться от вшей.

Оккупанты нас постоянно грабили: были отобраны все ценные вещи, семейные драгоценности, другое имущество. Полицаями в Чечельнике были украинские мужчины с ружьями и нарукавной повязкой. Они хорошо знали, у кого что дома есть.

Самыми страшными днями были те, когда всех выводили на площадь. Для нас это был самый плохой знак - могли вывести и расстрелять. Нас в конце концов отпускали, но, видимо, целью румын было напугать людей, чтобы собрать с них контрибуцию, чтобы евреи расстались с последними ценностями. Сбором колечек, серёжек занимался комитет общины и откупался от румын. Мы испытывали в гетто постоянный страх, и, несомненно, многим он укорачивал жизнь.

Снабжения продуктами со стороны оккупантов не было. Жили крохотными пайками за принудительный труд, а нетрудоспособные старики и дети, которых было большинство, не получали ничего.

И тут сыграла свою роль профессия папы, у которого мама до войны научилась портновскому делу. Местные жители платили ей продуктами за выполненную для них работу. Заказчики сами приходили к нам, мама не могла выйти работать по сёлам. Помогало доброе знакомство украинских жителей с нашей семьёй до войны, папу знали и как хорошего портного, и по его работе в колхозе. В зимнее время украинские жители платили дровами, и это спасало нас от холода.

Как и остальным детям в гетто, на протяжении долгого времени мне делали уколы, давали таблетки, после которых состояние здоровья ухудшалось.

Лишь спустя много десятков лет установили, что это были медицинские эксперименты над нами с соответствующими последствиями.

В начале 1944 года у меня и родных было предчувствие, что нас освободят. Мы слышали об активных действиях партизан и видели, что это не слухи. Через Чечельник провозили убитых партизанами немцев и румын.

В один из дней весны 1944 года мы не увидели в гетто ни одного румына, ни одного полицая. С этого дня мы прятались в подполе дома, потому что боялись, что румыны придут в самом конце и расстреляют нас. Снаружи оставался замаскировать крышку подпола и наблюдать, что происходит, кто-то из бессарабских евреев.

Бои за освобождение нашего городка продолжались три дня, и 17 марта 1944 года Красная армия вошла в Чечельник. Мы вышли из нашего укрытия, когда настала тишина, перестали стрелять. Я радовался свободе вместе с другими жителями. В 1944 году продолжил учёбу в школе сразу с четвёртого класса.

Послевоенная жизнь.

Папа Давид с войны не вернулся. Лишь через 40 лет, в 80-х годах, в результате наших поисков мама получила извещение, что отец, рядовой Давид Евсеевич Пекер, пропал без вести на фронте в 1942 году. Война лишила меня отца, а гетто - здоровья.

В 1946 году семья: мама, я с сестрой и бабушка - переехала в город Ташкент. Здесь у мамы жила большая родня: четыре брата и сестра, приехавшие сюда до войны. Мы сняли в центре города кибитку - глиняный домик местных жителей. Мама успешно работала портнихой на дому и растила нас с сестрой. В Ташкенте я окончил школу-семилетку, продолжил учёбу в профтехучилище по специальности заготовщик обуви. По его окончании работал на обувной фабрике и одновременно учился в вечерней

школе. В 1954 году поступил в Ташкентский финансово-экономический институт. В 1956 году женился на девушке Доне Фишер, с которой в годы оккупации мы детьми находились в Чечельницком гетто. Свадьбу сыграли в Ташкенте, а жить переехали в гор. Сталинабад, где находились родные Дони.

Я продолжил учёбу в Сталинабадском университете на экономическом факультете, который окончил в 1959 году. С 1958 года начал работать экономистом в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства Таджикской ССР. В последующие годы работал начальником планово-финансового управления министерства. Жена работала, наши дочери учились в вузах: Галина - в пединституте, Светлана - в Душанбинском университете.

Бабушка Хая умерла в 1973 году в Ташкенте в 101 год.
В Израиле.

20 февраля 1992 года мы с женой репатриировались в Израиль. В Реховоте, с нами обе дочери и пять любимых внуков. Сестра Анюта приехала с нашей мамой и живёт в гор. Кармиэле. Мама Эстер ушла из жизни в 1998 году, прожив 91 год.

Со времени пребывания ребёнком в гетто я болею диабетом, гипертонией, заболеванием ног, радикулитом и считаю, что это последствия Шоа. В Израиле перенёс четыре серьёзные операции. Не будь мы с Доней в детстве в гетто, жизнь наша могла быть счастливее, здоровее.

«Помни. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей». Реховот 2013. С. 523-526.

Подошва Александр . «...В памяти живы очень многие страшные воспоминания тех лет».

С первых дней оккупации и до освобождения я пребывал в гетто Чечельник Винницкой области с матерью и старшим братом Семёном. Прошло более 60-ти лет, но не смотря на детский возраст пребывания в гетто, в памяти живы очень многие страшные воспоминания тех лет. Болезни, голод и страх - главные из них. За эти годы я переболел брюшным, сыпным и возвратным тифом. Неоднократно перенёс воспаление лёгких и многие непонятные мне тогда болезни. Мы были опухшими от голода. О хлебе мы, дети, знали только по воспоминаниям. До сих пор помню повторяющиеся днём и ночью мольбы: "Момы, эсн!" (Мама, кушать!). Ещё долго после войны я повторял во сне это заклинание.

Зимой к голоду примешивался и холод. Зимние картины, когда из окна видны были измождённые люди, везущие на санках трупы близких, не были редкостью. Трудно представить себе, как матери удавалось хоть как-то и чем-то накормить нас с братом, если можно было назвать едой жёлуди или сделанные из отрубей или шелухи от картофеля блинчики, называвшиеся "точь".

Помню, как вместе с матерью и старшим братом мы ходили работать на сахарный завод - разгружали сахарную свеклу и собирали её в кучу, за что к концу работы получали несколько штук буряка (свеклы). После варки их использовали в качестве сахара. Мы ходили также в заготзерно на аналогичную работу за похлёбку, также убирали улицы.

Освобождение пришло весной 1944 года. Трудно описать радость освобождения. Прошли годы, но ничего не стёрлось из памяти. Эти страшные годы не прошли

бесследно. К 40-ка годам я потерял все зубы, заболел гипертонией, атеросклерозом и другими болезнями.

Живя с семьёй в еврейском государстве надеюсь, что нашим детям, внукам, правнукам никогда не придётся пережить то, что досталось нам.

Подольца Семён. *«Вспоминать о гетто очень трудно».*

Местечко Чечельник,
Винницкой области, 1941 – 1944 гг.

Вспоминать о гетто очень трудно. Почти все свои детские годы я провёл в гетто. Полвека прошло с тех пор, не всё помнится, но кое-что осталось в памяти. Однажды ночью нас всех подняли с постели почти что голых, подгоняя нагайками. Дети плакали, держались за руки матерей. Моя мать схватила нас двоих детей за руки и мы побежали. Нас вывели на площадь, немцы готовились нас расстрелять.

Крик и плач людей. Раввин поднял руки и начал молиться. Вдруг на мотоцикле подъехал немецкий офицер и что-то сказал карателям на немецком языке. Те, отдав ему честь, отпустили нас. Как потом выяснилось, это был руководитель партизанского отряда нашего района. Переодевшись в немецкую форму он спас нас от неминуемой гибели. Помню, моя мать заболела тифом, сильно ослабла и её надо было спасать. Ей нужно было хорошее питание.

Взяв костюм моего отца для обмена на продукты, я снял шестиугольные звёзды - мы их носили и спереди, и сзади (комендант любил говорить, что я хочу видеть евреев и спереди, и сзади). Выбравшись из гетто я пробрался на базар. У одной женщины обменял костюм на бутылку молока и другие продукты. Я почувствовал чей-то взгляд - это был полицей. С криком "как ты, жидёнок, очутился на базаре?!"

ударил меня нагайкой по голове, пытаюсь меня поймать. Люди кричали по украински: "Не чыпай дытыну!" (не трогай ребёнка) и дали мне возможность убежать. Весь окровавленный я пробрался в гетто и принёс матери спасательную еду. Она выжила.

Иногда, к нам заезжали карательные отряды. Один раз они ворвались к нам неожиданно. Мы с мамой и братом убежали к реке и спрятались. Бабушка моя не успела убежать и спряталась в кровати, укрывшись старой порванной периной. Когда карательный отряд ушёл, мы вернулись в дом. Бабушка осталась жива. Пули карателей не задели бабушку.

Оккупанты забегали в гетто, хватали молодых и

Я и мой брат Александр, 1940 г.

красивых женщин и угоняли их на работы. Больше они не возвращались. Мама и тётка прятались в секретах (замурованных стенах).

Отец погиб на фронте в 1941 году. Мать умерла в 1992 году.

В настоящее время живы мой родной брат, дядя и тётя. Часто вспоминаем те тяжёлые и страшные годы. Думаю, этого больше не случится.

Дай Б-г нашим детям и внукам никогда этого не видеть. Никогда больше!

Литература и источники

Историческое описание Чечельника

http://vremiadengi.com/interesno/istoricheskoe_opisanie_chechelnika/

Ольгополь <http://jukraine.org/vinnickaya-oblast/olgopol/>

Джуринский, Ефим. Великий город для Всевышнего//

http://www.aen.ru/index.php?page=article&category=tradition&article_id=1355

100 еврейских местечек Украины: Исторический путеводитель. Вып. 1. Подолия / Иерусалимский центр документирования наследия диаспоры, НП "Петербургская иудаика"; Сост.: В. Лукин, Б. Хаймович. — Иерусалим; СПб.: Эзро, 1997. — 255 с.

Вовк, С. Т., Косаківський, В. А., Таранець, С. В. Нариси з історії Чечельника. З найдавніших часів до наших днів. — Вінниця: 2000. — 214 с.

Справочник о лагерях, тюрьмах и гетто на оккупированной территории Украины. 1941-1944. — Киев: 2000.

Жизнь в оккупации. Винницкая область. 1941—1944 гг. Сборник документов. Сост. В. Ю. Васильев, Р. Ю. Подкур, С. Д. Гальчик, Д. Байрау, А. Вайнер. — М.: РОССПЭН, 2010, 856 с.

Помни. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистского гетто и концлагерей.— Реховот: 2013.

Вишнiveцкая, Л. Мне было всего семь... / в кн. Владимира Иткинсона. Жизнь продолжается.— Нацрат Илит: 2012. С.71-74.

Вишнiveцкий, А. Были ли евреи в Чечельнике? Мое родное местечко — Чечельник// газета «Новости недели» (Израиль) от 18 августа 2005 года.

**Приложение. Список похороненных на еврейском
кладбище п.г.т.Чечельник**

1	Гречаник Наум Гречаник Ита	
2	Едлина Ида Моисеевна	1931 - 1995
3	Великая Любовь Израйлевна	1906 - 1993
4	Барская Ида Сендеровна	20.12.1925 - 23.06.1992
5	Чачко Бетя Наумовна	25.05.1926 - 02.01.1991
6	Шнайдерман Туба Абрамовна	15.05.1931 - 03.09.1989
7	Вайсерман Соня Айзеекова	1905 - 1985
8	Ройтберг Ротя Туйльевна	1926 - 1983
9	Цехненко Любовь Менделеевна	1921 - 1980
10	Левит Бетя Абрамовна	1920 - 1981
11	Левит Нехома Йосифовна	1887 - 1982
12	Гербер Рухля Бенционовна	17.03.1900 - 22.05.1982
13	Блитшейн Голда Лейзеровна	1904 - 1988
14	Шлаин Бейла Шмулевна	1901 -1988
15	Александрович Фейга Хаимовна	1898 - 1988
16	Коренфельд Майка Абрамовна	-1957
17	Гонтмахер Шейндл Лейзеровна	1901 - 1987
18	Бондарь Елизовета Моисеевна	05.07.1926 - 02.08.1985
19	Жорницкая Шифра Фроймовна	1910 - 1985
20	Шатхин Фира Шлоймовна	1911 - 1981
21	Шер Мария Ароновна	1916 - 1979
22	Гранат Бора Яковлевна	1905 - 1979
23	Басс Марья Матвеевна	1912 - 1979
24	Оксер София Ефимовна	07.04.1930 - 24.10.1978
25	Гольдин Хайка Рувиновна	16.10.1902 - 16.06.1978
26	Токарь Клара Петровна	1894 - 1978
27	Яновская Белла Шаевна	01.04.1929 - 21.03.1978
28	Розенгирт Фаина Зиновьевна	1921 - 1971
29	Мураховська Тетяна Абрамівна	28.07.1919 - 01.06.1998
30	Мильман Роза Берковна	1897 - 1968
31	Ройтман Бруха Хаймовна	1881 - 1969
32	Лужанская Слува Гедалевна	1887 - 1969
33	Бершадская Рахиль Моисеевна	1905 - 1969

34	Нейман Песя Лейзеровна	1889 - 1969
35	Бурлак Хая Мортковна	1883 - 1969
36	Глазман Геня Пинкусовна	1895 - 1969
37	Друбецкая Гитля Мортковна	1895 - 1969
38	Бершадская Люба Пинькусовна	1901 - 1969
39	Талисман Чарна Шмерлевна	1894 - 1970
40	Воскобойник Маня Мойсеевна	1898 - 1970
41	Вельтман Гитля Янкелевна	1885 - 1970
42	Губницкая Брана Мойсеевна	1896 - 1970
43	Шадхин Зисле Львовна	1877 - 1970
44	Гомашевская Удя Абрамовна	1890 - 1970
45	Друбецкая Фаня Наумовна	1908 - 1971
46	Елисевиц Зелда Мошковна	1898 - 1971
47	Сидлер Циля Ароновна	1905 - 1972
48	Шнайдман Рухля Сухеровна	1898 - 1971
49	Бейгельман Злота Йосифовна	1883 - 1972
50	Шумахер Песя Гершковна	1888 - 1973
51	Файнберг Поля Цалевна	1897 - 1973
52	Фишман Рива Моисеевна	1903 - 1973
53	Рудман Чарна Марковна	1886 - 1973
54	Шнайдман Бася Моисеевна	1904 - 1979
55	Сапожник Бейла	
56	Гельман Рива Пинькусовна	1902 - 1975
57	Мильман Чарна М.	1883 - 1975
58	Гитер Сарра Цилевна	1902 - 1975
59	Перельман Эстер Ароновна	1891 - 1976
60	Клецман Рухля Ароновна	1893 - 1974
61	Шпигельская Фаня Моисеевна	1911 - 1976
62	Бейдер Бейла Давидовна	1900 - 1976
63	Шафер Бася Мееровна	1888 - 1977
64	Подопригора Оля А.	1910 - 1977
65	Тульчинская Зися Фроймовна	1897 - 1977
66	Зальцман Ита Ольтеровна	1915 - 1978
67	Доренбуст Этя Мееровна	1922 - 1993
68	Розенгурт Петр Давидович	1915 - 1989
69	Бекерман Хайм Волькович	1917 - 1987
70	Шатхин Лева Шлемович	1912 - 1986

71	Ангерт Хайм Мейліхович	1880 - 1985
72	Тульчинський Сруль Бенюмович	1897 - 1985
73	Мільман Яков Михайлович	1939 - 1984
74	Гельман Герш Фроймович	1900 - 1984
75	Мільман Михаил Борисович	1900 - 1984
76	Блюмштейн Исаак Фишелевич	1911 - 1983
77	Бондарь Арон Наумович	1898 - 1981
78	Шатхин Абрам Самойлович	1909 - 1980
79	Яновский Николай Мошкович	1928 - 1978
80	Фишер Зусь Срулевич	1895 - 1978
81	Альтман Шлема Ихилевич	1903 - 1977
82	Шнайдман Туль Рувинович	1900 - 1976
83	Гитер Борис Абрамович	1894 - 1979
84	Файнберг Николай Абрамович	1899 - 1976
85	Городинский Михаил Борисович	1910 - 1976
86	Пискер Шмиль Лейзорович	1890 - 1975
87	Бейдер Лейба Волкович	1883 - 1975
88	Бейдер Мейер	1870 - 1974
89	Вилькис Шлема Срулевич	1897 - 1974
	Перельройзен Мендель	
90	Нахманович	1903 - 1973
91	Краснов Шулим Шлемович	1891 - 1973
92	Глазман Наум Давидович	1922 - 1973
93	Кац Симха Абрамович	1916 - 1973
94	Гонтмахер Исаак Давидович	1924 - 1972
95	Подошва Ш. Ю.	1883 - 1972
96	Вайнштейн Зусь Давидович	1898 - 1971
97	Клейнштейн Е.С.	1915 - 1970
98	Гречаник Йосиф Борисович	1896 - 1968
99	Гройзон Владимир Давидович	1901 - 1968
100	Блитштейн Шлойма Йосифович	1903 - 1968
101	Шнайдман Шалейб Борисович	1884 - 1967
102	Гойхберг Алексей Исаакович	1912 - 1967
103	Фишер Шулим Срулевич	1902 - 1967
104	Шумахер Моисей Эльевич	1891 - 1967
105	Барский Мойша Йосифович	1921 - 1966
106	Акштейн Абрам Львович	1907 - 1965

107	Гитер Овший Абрамович	1898 - 1963
108	Гонтмахер Хайка Берковна	1886 - 1968
109	Досколович Бася Юдковна	1900 - 1951
110	Гербер Фаня Хаемовна	1894 - 1954
111	Балагула Роза Мойсеевна	1880 - 1995
112	Гитис Шмерл Шмилевич	1958
113	Соколовский Зелиг Мошкович	1883 - 1960
114	Княжевский Алтерович	1884 - 1960
115	Гольдин Борис Лейбович	1899 - 1960
116	Гонтмахер Хловно Юткович	1886 - 1961
117	Попелюхер Лейзер Гершкович	1884 - 1962
118	Курис Лейзер Давидович	1882 - 1962
119	Бейдер Хона Абрамовна	1900 - 1962
120	Барский Б. Л.	1885 - 1964
121	Дворцис Лейзер Ицкович	1883 - 1973
122	Левин Йосиф Мойсеевич	1888 - 1966
123	Друбецкий Меер Гершкович	1880 - 1968
124	Эраих Янкель Шлемович	1882 - 1968
125	Пустильник Борис Шмулевич	1902 - 1988
126	Браиловский Ефим Петрович	1912 - 1989
127	Доренбуст Михаил Григорьевич	1912 - 1988
128	Бондурянский Лев Давидович	1914 - 1984
129	Сидлер Зема М.	1910 - 1983
130	Друбецкий Ефим Борисович	1893 - 1978
131	Мясковецкий Яков Абрамович	1908 - 1973
132	Мясковецкий Меер Абрамович	1898 - 1973
133	Гранат Григорий Ефимович	1893 - 1973
134	Вишнинецкий Бень Шлемович	1892 - 1970
135	Гриншпун Исаак Якович	1894 - 1969
136	Горбатый Лейб Фроймович	1885 - 1968
137	Елисеевич Элик Мошкович	1886 - 1965
138	Клецман Арон Янкелевич	1937 - 1964
139	Клецман Янкель Йосифович	1888 - 1960
140	Брайловский Исаак Йосифович	1892 - 1946
141	Розенталь Мотя Х.	1941
142	Файнберг Мойсей Абрамович	1890 - 1941
143	Розенталь Хайн А.	1941

144	Блитштейн Дина Бенционовна	1921 - 1941
145	Блитштейн Бень Йосифович	1897 - 1941
146	Клейнерман Хаим Йосилевич	1895 - 1942
147	Хаймзол Лея Юдковна	1880 - 1957
148	Клейнштейн Яков Семенович	1910 - 1994
149	Друбецкий Юкель Маркович	1908 - 1993
150	Гранат Яков Григорьевич	1926 - 1993
151	Грабор Яков Иосифович	1901 - 1968
152	Герценштейн Шая Израилович	1900 - 1960
153	Штутман Менаше Менделеевич	1896 - 1960
154	Шадхин Ш.Ш.	1958
155	Рабинович Шая Ушерович	1886 - 1958
156	Вакс Мойше Шлоймович	1900 - 1956
157	Бейдер Герш Волькович	1900 - 1953
158	Шафир Анчель Юдкович	1900 - 1952
159	Шафир Нехама Абрамовна	1903 - 1956
160	Друбецкий Борис Абрамович	1870 - 1943
161	Борода Авраам Давидович	1941 - 1942
162	Княжевский А. М.	1872 - 1941
163	Ройзенгурт Д. М.	1885 - 1942
164	Гоферман Лейб Шмулевич	1898 - 1941
165	Хин Ш. А.	1874 - 1941
166	Беккер А.	1938
167	Спектор Х.И.	1884 - 1955
168	Тульчинский Фоя С.	1940
169	Тарнарудский Борис Давидович	1882 - 1941
170	Грейдингер Фроим Волькович	1934 - 1942
171	Левина Лея	1941
172	Вилькис Перл Хаскелевна	1897 - 1950
173	Гофирман Зися Пинкусовна	1871 - 1951
174	Яновская Хайка Давыдовна	1904 - 1953
175	Пустыльник Рива Бороховна	1904 - 1956
176	Мильман Р.З.	1910 - 1960
177	Городецкая София Овсеевна	-
178	Бейдер Хона	1900 - 1962
179	Нудельман Цивья Кивовна	1900 - 1964
180	Гриншпун Фрида Хаймовна	1908 - 1965

181	Минделис Шейва Хаймовна	1901 - 1964
182	Фурман Хана Мошковна	1886 - 1966
183	Елисеевич Зельда Эливна	1888 - 1968
184	Гербер - Гитер Доня Борисовна	1928 - 1990
185	Горбатая Бейлка Фроймовна	1888 - 1967
	Грановская Марьям - Бейла	
186	Фавелевна	1875 - 1964
187	Яновская Рухля Гобковна	1868 - 1963
188	Барская Молка Мошковна	1961
189	Бекерман Туба Меерович	1877 - 1961
190	Друбецкая Удя Аврамовна	1955
191	Княжевская Б.С.	1876 - 1955
192	Гарбер	17.03.195??. Ум.
193	Друбецкая Шейна Боруховна	1904 - 1948
194	Фельдман Туба Гершковна	1942
195	Садецкая Берта Израелевна	1885 - 1941
196	Прутской Бейла Ф.	6.01.1942 погиб.
197	Шор Анна Александровна	1884 - 1941
198	Гитис Б.М.	1887 - 1941
199	Шафир Соня Янкелевна	1915 - 1963
200	Гитер Хая Ш.	1924 - 1941
201	Тарнарудская Полина Борисовна	1906 - 1941
202	Блитштейн Борух Лейбович	
203	Гоферман Гитл Сендеровна	1902 - 1941
204	Пискер Рухля Шлемовна	1922 - 1945
205	Подошва Зисля Шомовна	1885 - 1965
206	Рабинович Туба Давидовна	1884 - 1965
207	Друбецкая Чарна Григорьевна	1903 - 1965
208	Фишер Двойра Тововна	1901 - 1965
209	Шаргородская Хая Гавриловна	1882 - 1964
210	Луцкер Фрида Бенедиктовна	1919 - 1965
211	Луцкер Рива Срулевна	1893 - 1962
212	Кац Анна Львовна	1922 - 1962
213	Ангерт Бася Нухемовна	1888 - 1959
214	Миквеман Брана Тойвовна	1896 - 1959
215	Эрлих Хая Дувидовна	1881 - 1951
216	Княжевская Хайка Гершковна	1891 - 1957

217	Клейнштейн Лея Михелевна	1884 - 1952
218	Блитштейн Бая Шлемовна	1899 - 1952
219	Тульчинский Б. И.	1933
220	Глазман	
221	Гитис И.М.	1877 - 1941
222	Фишер Маня Абрамовна	1905 -1936
223	Рудман Шульке Юдкович	1889 - 1937
224	Абрамович Кандел Берель	1875 - 1942
225	Аккерман Мойше Копелевич	1895 - 1943
226	Рыков Петр Яковлевич	1875 - 1945
227	Ройтберг Л.А.	
228	Солганик Б.В.	1895 - 1946
229	Бегельман Мошка	1928 ум.
230	Усач Руффин Маркович	1912 - 1929
231	Гельман Рухель Пинкусовна	
232	Шамис Гита	
233	Гербер Мордко Зусьевич	1930 ум.
234	Гредингер Б.Я.	